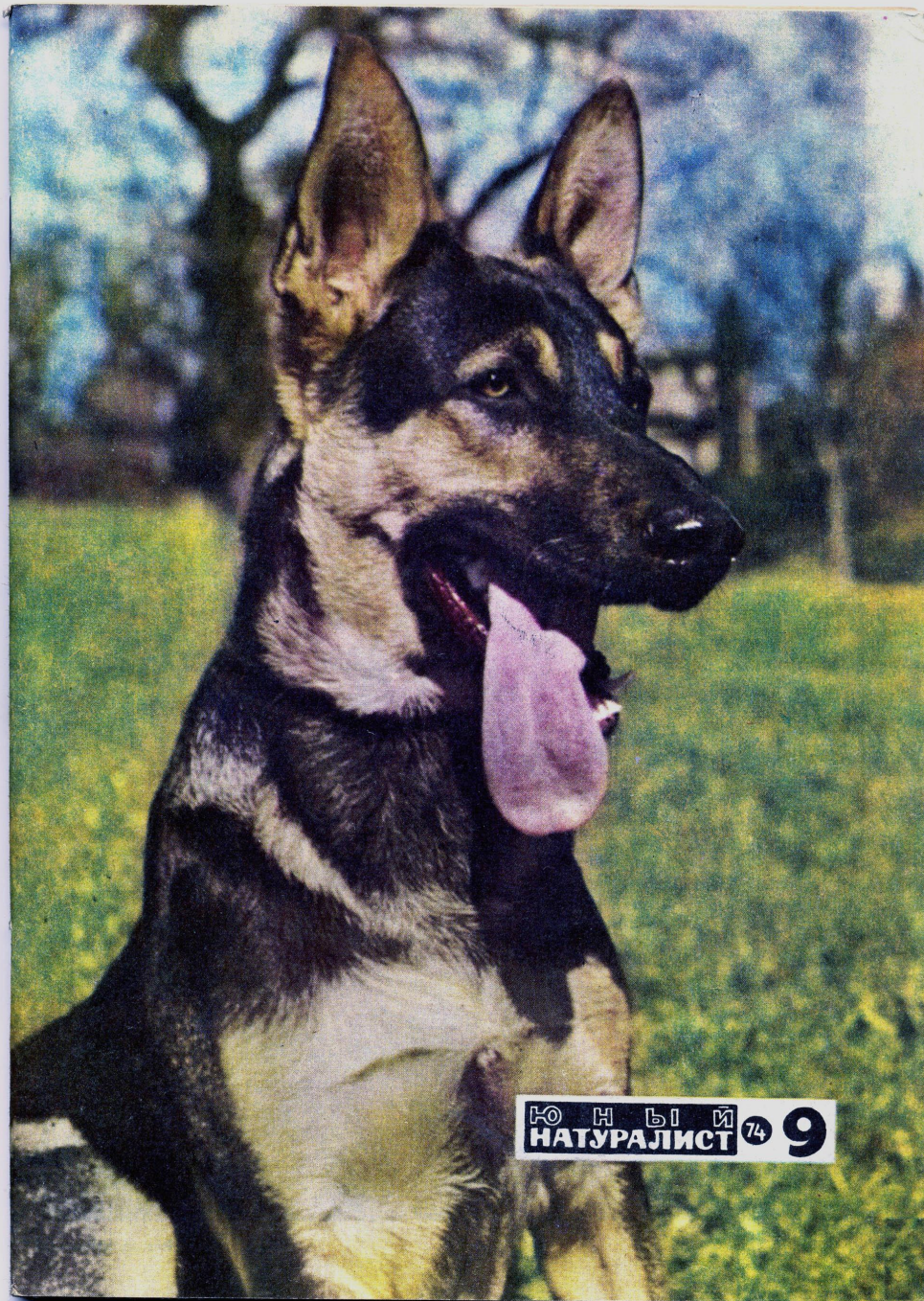

Ю Н Ы Й
НАТУРАЛИСТ 74 9

РАССВЕТ

Рис. Н. Кутилова

СОКРОВИЩА РОССИИ

Недавно побывал я на безымянной речке, притоке знаменитой Мстеры. Маленькая речка эта, перегороженная нехитрой железной плотиной, подарила людям широкую гладь запруды. Смотрелись в воду подпаленные осенью ветлы, гнал ветер желтые листья, опрокинулись в зеркало разлива кучевые облака. И как-то радостно стало, что жива речушка, не иссушат теперь ее ни палящий зной, ни завалы бурелома в истоке, ни осыпающиеся под ветром безлесные берега.

Я знал уже, что на Владимирщине такие плотины созданы на многих речках, а значит, полноводнее будут и Мстера, и Ока, и сама матушка-Волга.

Я смотрел в это живительное зеркало, и невольно виделась в нем вся Россия

с ее бескрайними лесами, широкими разливами золотых нив, с величавыми просторами могучих рек.

Да, поистине бесценны сокровища России! И их, эти природные кладовые, мы должны не только сберечь, а преумножить, более щедрыми передать потомкам.

Отрадно, что здесь, во Владимирской области, деятельную помощь в защите водных тропинок оказали члены Всероссийского общества охраны природы. И только ли на Владимирщине! Сегодня не сыщешь, пожалуй, такого уголка в Российской Федерации, где бы ни трудились на славу радители природных богатств. Операция «Десна» на Брянщине, озеленение Волго-Донского канала имени В. И. Ленина, операция «Муравей»... Перечень этот

можно продолжать и продолжать. Потому что сегодня истинных рыцарей природы в нашем Всероссийском обществе 24 миллиона, потому что охрана природы в нашей стране — дело государственной важности.

Полвека назад возникло Всероссийское общество охраны природы. И с первых своих шагов, с первых планов и задумок руководствовалося идеями и принципами природопользования, разработанными Владимиром Ильичем Лениным. 20 декретов, свыше 200 распоряжений по проблемам охраны природы — вот то богатое ленинское наследие, которое всегда будет указывать нам верный путь в правильном использовании природных богатств.

Ленинскими идеями взаимоотношения человека с окружающей его средой проникнуты постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов», решения IV сессии Верховного Совета СССР 1972 года.

Полвека. Зрелый, солидный возраст. Только наше общество и сейчас, спустя столько лет, молодо. Ведь 14 миллионов его участников составляют юные. Не правда ли, символическая цифра! Ведь это им, нынешним пионерам и школьникам, нести дальше через годы величие и полноту ленинских идей. И невольно гордишься делами юных друзей природы.

Вспоминаются проникновенные слова чародея леса писателя Леонида Леонова: «Любовь к Родине надо воспитывать с любви к родной природе, начинать это воспитание с детства. Человек, который понимает природу, благороднее, чище. Он не сделает дурного поступка, он прошел душевный университет».

Замечательные слова! И такие «душевные университеты» ныне проходят юные в отрядах зеленых патрулей, в школьных лесничествах, в звеньях по борьбе с эрозией почв, в бригадах по спасению рыбной молодежи. Словом, нашим ребятам есть где приложить свои знания и умения, им открыт широкий простор для благородной, полезной деятельности.

Доброй традицией стали в РСФСР слеты юных друзей природы. Это по-настоящему трудовые праздники. С волнением смотришь на ребят, для которых природа — открытая книга! На последнем слете в Карелии запомнилось мне выступление Людмилы Коржавой из Новосибирска: «Человек всегда учится у природы. Учимся и мы. И

приятно сознавать, что книга эта большая, умная и нет в ней последней страницы».

Действительно, нет последней страницы в необъятной книге природы, как нет ее и в благородных делах юных по преумножению бесценных природных сокровищ.

Их «душевные университеты» начинаются подчас с малого, не столь броского и яркого. С первого посаженного дерева, заложенного своими руками сада, вывешенных возле дома синичников и скворечников. А потом такое остается на всю жизнь и, разрастаясь, словно яркий огонь костра, высвечивает любовь к родной земле, к Родине.

Есть в Москве, на Ленинском проспекте, школа-интернат № 58. Много выпускников ушло отсюда в большую жизнь. И почти каждый с гордостью вспоминает время учебы. Потому что у них было чудо, и они сами создавали его.

Окончил эту школу и Саша Чулков. Сейчас он служит в рядах Советской Армии, но не забывает своих учителей. В одном из его писем есть такие строки: «Больше всего мечтаю о той красоте, которую мы создали в школе». Вот ведь как! Создали красоту! В городе, среди асфальта и бетона, среди каменных громад зданий вырастили ребята свой сад-парк. Конечно, не одно поколение трудилось здесь, и каждому он дорог, потому что каждый вложил в сад частичку своей души. А сад действительно прекрасен! Здесь собрано более четырехсот видов редчайших растений нашей страны и других стран мира. Здесь, под открытым небом, проводят уроки ботаники и биологии, сюда приезжают часто на экскурсию московские школьники.

«Дендрарием мало сейчас кого удивишь», — справедливо возразите вы. Но не спешите с выводами. В саду у ребят поселились птицы, муравьи, лягушки, пчелы, стрекозы. Лес как бы приблизился к школе, пришел сюда, в город.

«Душевные университеты» проходят юные и в школьных лесничествах. С тех давних пор, когда в Башкирии возникли первые отряды ребят в зеленых фуражках с кокардами из дубовых листьев, тысячи и тысячи школьников пришли на помощь зеленому другу. Сейчас в РСФСР работает 4570 школьных лесничеств. Два с половиной миллиона гектаров доверено юным друзьям леса. И в четких лесных кварталах ребята полные хозяева, рачительные, бережливые, умелые. В школьных лесниче-

ствах воспитывается поколение людей, влюбленных в природу, с детства подготовленных к труду в лесном хозяйстве. А работы у ребят непочатый край.

Как видите, разными путями приходит к нынешним школьникам любовь к родной природе. И какое бы направление деятельности Всероссийского общества охраны природы мы ни взяли, везде посильную помощь взрослым оказывают юные.

В дельте Волги расположена Кировская средняя школа. Рядом запутанные лабиринты отшнурованных ильменей, ериков, каналов, просто крохотных бочажин. Только спадет полая вода, начинается страдная пора для бригады голубых патрулей школы. Знойное здесь солнце. Быстро иссушает оно зеркальные окна, оторванные от главной воды. А поди сосчитай, сколько осталось там мальков, которые наверняка погибнут, не подоспел к ним вовремя помощник. И ребята стараются. Вычерпывают воду ведрами, вылавливают мальков сачками, а где слишком большой ерик, прокапывают спасительные каналы. 2 миллиона 800 тысяч спасенных мальков — таков вклад одного только отряда Кировской школы в важное дело пополнения рыбных богатств наших рек.

«Душевные университеты» помогают успешно проходить юным взрослые, те, кого сегодня по праву зовем мы емким и мудрым словом «наставники». Они щедро делятся с ребятами своим опытом, отдают весь жар сердец, чтобы наше юное поколение росло духовно богатым, ясно осознавая, что любовь к природе входит в дорожное всем нам понятие Отечества. Таких

в России сотни и сотни. Расскажу об одних.

Тот, кто бывал в Ростове-на-Дону, слышал, наверное, о Дмитрие Антоновиче и Анне Алексеевне Чмутенко, любителях-садоводах. Как-то непроизвольно сложилось у многих мнение, что частный сад — это обязательно высокий забор, массивная калитка с устрашающей надписью: «Осторожно, злая собака!» Приезжайте в Ростов, и вы убедитесь, что не всегда бывает так. Двери участка Чмутенко распахнуты настежь. И первые гости в саду — ребята окрестных школ.

Сейчас ростовские садоводы принимают активное участие в проведении рейда по проверке выполнения закона об охране природы. Рейд посвящен 50-летию образования Всероссийского общества. Хозяйским глазом прикинуть успехи, выявить недостатки, вовлечь новые тысячи людей в областные и районные секции — таковы задачи рейда.

Вместе со взрослыми участвуют в нем и школьники, будущие хозяева бесценных сокровищ России. Пусть же больше станет юных друзей у прекрасной природы нашей! Пусть новые тысячи ребят породнятся с ней! Тогда светлее станет ее лик, чище вечное дыхание!

Н. Овсянников,
председатель Президиума Всероссийского общества охраны природы

СЧАСТЛИВАЯ БОРОЗДА

Щедрые на глухие чащобы знаменитые Брянские леса здесь обрываются, словно выпуская из-под своих шатров широкий простор полей. Холмистыми изломами убегают они к горизонту. Лишь кое-где рыжими пятнами расцвечивают их березовые колки, да зелеными шапками сосен упираются в небо маленькие островки сосновых бороз.

И литежское поле тоже начинается от березовой рощи. Стоит только перейти наезженную тракторами проселочную дорогу, и вот он, желтый пшеничный разлив, за которым виднеются железные крыши поселка, высокий цилиндр водокачки, а ниже, у крошки заливного луга, кирпичные здания местной школы. Можно, конечно, вести отсчет по-другому, от этого заливного луга, но так уж заведено у здешних ребят, что именно от тех берез прокладывают они осенью или весной свои первые борозды.

Там, в светлом молодом березняке, застыли в суровом молчании строгие обелиски с красными звездами наверху. Там оживает память, воскрешая события грозных лет.

В минувшую войну поля эти были искромсаны взрывами бомб и снарядов, много раз перепаханы нещадными гусеницами самоходок и танков. В дни великого сражения на Орловско-Курской дуге через Литеж пролегла небольшая черта передовой огромного в своем размахе фронта, и ее окопы проходили прямо по школьному двору. И те солдаты, которые, не дрогнув, стояли здесь насмерть, для которых последней в жизни картиной стали эти холмистые поля, лежат там, в березовой роще, под гранитными плитами мемориала. Золотом начертаны на обелисках имена героев, не вернувшихся с войны, отдавших жизнь за сегодняшнее мирное небо, за разливы пшеницы на полях вокруг Литежа. И многие из этих имен установили красные следопыты школы. В таком долгом, упорном поиске участвовали и ребята из ученической производственной бригады. Вот почему прокладывают они первые борозды от березовой рощи, вот почему еще дороже и ближе стали им эти поля, вся земля Брянщины, оваянная бессмертной славой героев Великой Отечественной войны.

Скоро литежская школьная бригада отметит свое пятнадцатилетие. И сколько за это время ребят проложило на колхозных

полях свои первые борозды! Для многих оказались они счастливыми.

Анатолий Николаевич Зотов, главный механик колхоза; Василий Николаевич Цветков, главный агроном; участковые агрономы Татьяна Ермакова и Александр Шкирков — все они прошли земледельческие университеты на школьном поле. Бывшие бригадиры. Не хочется называть их так. Ведь все свое профессиональное мастерство, богатый опыт и умение передают они сегодняшним школьникам. И в этом тоже преемственность поколений!

Пятнадцать гектаров — таково ребячье поле. Это гектары, где, словно разведчики и первопроходцы, ставят юные полеводы опыты с картофелем и свеклой по заданию своих наставников. И часто приходит к ним желанный успех.

Нине Подавинниковой, нынешнему бригадиру, часто вспоминаются два ведра картофеля. Простые два ведра, перепачканные сырой землей. Сколько радости доставили они ребятам!

А началось все с двух клубеньков элитных сортов, которые прислали в Литеж из Белоруссии. Весной высадили их юные опытные на своем участке. То место даже штакетником огородили, чтобы не затоптал кто ненароком. Потом были первые кусты. Следующей весной пришлось расширять штакетник. И снова ожидание. Что-то покажет осень? Вся бригада собралась в сентябре у кустов-рекордсменов. Не дыша выкапывали семенной картофель, а когда наполнили клубнями те два ведра, радовались так, будто убрали целое поле.

Так уж повелось в ученической производственной бригаде, что ребята живут делами и заботами колхоза. Большие планы в Литеже намечены на эту пятилетку, много нужно сделать, чтобы здесь, в черноземной зоне, поднять урожайность и зерновых и пропашных культур. Вот и стараются юные земледельцы посылно помочь старшим. Специалисты подсчитали: каждый гектар должен давать 300 центнеров сахарной свеклы и 200 картофеля — тогда будет план! Те элитные клубни на школьном поле дали уже 200 центнеров в пересчете на гектар. Будущей весной займут они в колхозе солидные плантации. Вот вам и юные опытные! Настоящими первопроходцами себя показали!

Опустели сейчас литежские поля. Ощетинились желтой стерней, дышат паром вспаханных под озимь гектаров. И на краю одного из них словно свечи горят в осеннем убранстве березы. Отсюда вскоре новые ребята поведут свои тракторы, прокладывая первые борозды. Хочется верить, что для них окажутся они счастливыми.

В. Кулагин

Рожденный бурей

К 70-летию со дня рождения
Н. А. Островского

Николай Алексеевич Островский написал одну книгу «Как закалялась сталь», второй роман — «Рожденные бурей» — ему кончить не удалось, потому что оборвалась его героическая и необыкновенная жизнь, жизнь, невероятно трудная, полная боев, лишений и жестоких страданий. Израненный, ослепший, полностью неподвижный человек, он был бойцом до самого последнего своего часа. После него осталась одна-единственная книга, но какая!

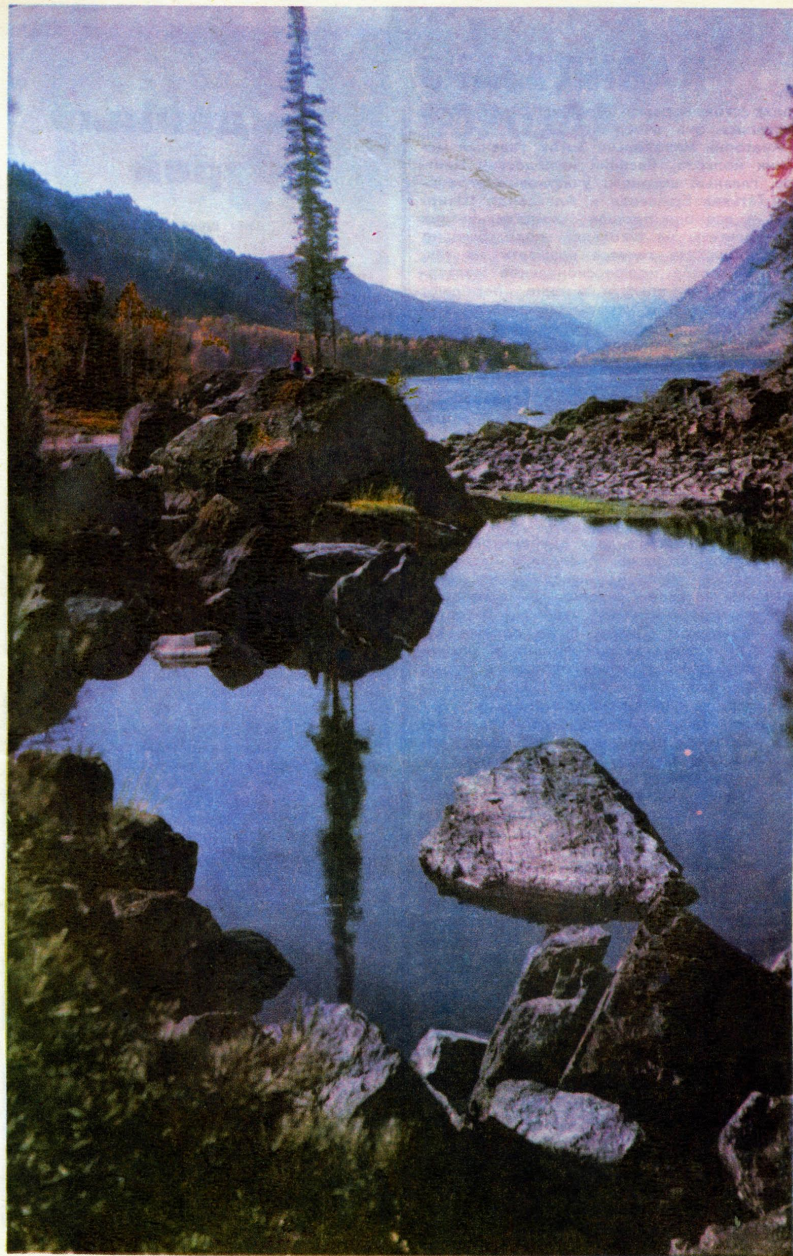
Почему из необъятных пластов книг люди выбирают именно ее? Потому что рассказывает она о силе человеческого духа, о том, что человеку, который видит перед собой великую цель, не страшны никакие преграды, никакие враги, никакие трудности.

О книге Николая Островского рассказывают удивительные легенды, истории, случаи. Известный советский писатель Борис Полевой, например, встретил живого героя романа Павку Корчагина на международном конгрессе в Вене. Им оказался африканец. И имя его было не Павел, а именно Павка Корчагин. Африканец рассказал, что еще маленьким его жестоко избили каратели, он умирал. Человек, подбравший его на развалинах сожженной деревни, выходил мальчика. Он подарил ему книгу «Как закалялась сталь» в переводе на английский. Мальчик прочел ее сразу, не отрываясь. Книга потрясла его, и он поклялся быть таким же непримиримым к врагам, как Павка и его друзья. Он взял себе русское имя и всю жизнь посвятил делу освобождения своей родины. Эта история похожа на легенду, но в ней все правда.

Обращаясь к советской молодежи, Николай Островский говорил: «Нужно учиться молодым товарищам завоевывать знания, учиться и еще раз учиться! И потом можно стать инженером или писателем — это зависит от таланта, от способностей, от наклонностей».

Он говорил это и для вас, ребята, потому что без знаний нельзя проложить канал, вырастить сад, посеять хлеб и писать книги. Без знаний нельзя быть борцом и строителем нового, каким был Николай Островский, писатель, рожденный бурей Великого Октября.

В. Лебедев

ЗАГАДКИ ЗОЛОТОГО ОЗЕРА

Маленький поселок Яйлю прижился у самого берега. Изломанная улица легла в седловину гор. Лоб в лоб уперлись окнами домики, распустив зеленые хвосты огородов. В пору «бабьего лета» зелень кажется рыжей от пронзительно яркого горного солнца. Жгучими кострами пылают

березы в горах, оттеняя синеватые ели и кедры. Крепкий настой спелых трав, ягод, орехов, яблок стоит в воздухе.

В поселке сонно и тихо. Одни собаки греют бока, равнодушно глядя на чешуйчатые блестящие озера. Они несут дозорную службу, отгоняя от жилья склонных к лю-

бознательности медведей. К посторонним людям относятся с величайшим презрением и никогда не снисходят до лая.

И тем не менее Яйлю — административный центр огромного пространства, примыкающего к Телецкому озеру. Здесь, в двухэтажном деревянном доме на берегу озера, располагается контора, научные кабинеты и лаборатории Алтайского государственного заповедника. А на возвышенности, на склоне горы, обросшей дикой зеленью, разбита Озерная станция, призванная решать множество метеорологических и гидрологических загадок, которые нет-нет да и преподносит одно из красивейших горных озер мира.

Заповедник, расположенный в горной стране Алтай, считается вторым по величине в Советском Союзе. 876 тысяч гектаров занимает он. Здесь природа как бы собралась вместе всю красоту земли: и горные кряжи с вечными шапками снегов, и степь, и тундру, и лес, и реки, которые поят Телецкое озеро.

Это озеро, огражденное порожистыми реками, глубокими ущельями, водопадами, высокими гольцами и снежниками, на протяжении столетий оставалось в стороне от больших дорог. Поэтому здесь и сохранилась природа в своем первозданном виде.

Для науки же высокогорное озеро вообще представляло «белое пятно». Организовывались, конечно, экспедиции, но от случая к случаю. А требовались более детальные исследования гидрометеорологического режима, ледовой и ветро-волновой обстановки, водного, теплового и радиационного балансов.

В таких данных были заинтересованы сплавщики леса, авиаторы, капитаны судов, лесники, садоводы, гидробиологи и биологи Алтайского заповедника, животноводы в долинах Бии и Чулышмана.

Вот почему Западно-Сибирское управление гидрометеослужбы решило в 1965 году организовать Озерную станцию. Конечно, нужно было сначала подыскать начальника пока еще не существующей станции. Кто сможет на абсолютно голом месте построить служебные помещения и жилые дома, разбить метеоплощадку, как можно скорей наладить работу? Требовался энергичный человек, который сочетал бы в себе две способности — быть умелым хозяйственником и не менее способным научным работником.

Выбор пал на Валентина Селегея. После окончания Харьковского гидрометеотехникума Валентин работал в Томской области техникум-гидрологом, затем начальником Новосибирской гидрологической станции, заочно окончил Томский университет. Позднее приехала Тамара Ситникова — инженер-синоптик, выпускница Ленинград-

ского института гидрометеорологии. Она взяла на себя всю метеорологическую часть работы Озерной станции и стала надежным помощником Селегея.

Наступил сентябрь. Несколько дней штормило, всплывали туманы и моросил дождь. Думали, так будет продолжаться до самого снега. Но вдруг прояснилось солнце, и установилась, как говорят синоптики, устойчивая антициклонная погода, грустная и чарующая пора «бабьего лета». Заискились снежные гольцы, посветлела полоса кедров и пихты, красным огнем запылала рябина. Послышались трубные крики марала, вызывающего на бой соперника, захлопали крыльями глухари, сытый медведь начал готовить лежку.

И зима тоже ворвалась неожиданно. С вечера посвежело, а утром проснулись — все было в белом. Снег лег надолго, по-сибирски прочно, без оттепелей и тайяний. Ударил морозы. Но как ни лютовали они, озеро покрылось льдом только на мелководье и у берегов, полностью оно покроеется лишь к концу зимы. Стар и мал встали на коньки. Для местных жителей коньки были единственным средством передвижения от поселка к поселку.

В марте начали подтаивать сугробы. Южные склоны сбросили снега, и на молодую травку — кандык, медуницу, огоньки — вышел изголодавшийся после долгой спячки медведь.

Не все приезжие выдержали первую зиму. Остался тот, кто полюбил этот край и озеро, почувствовал себя первым его исследователем: Надя Яковлева и Людмила Стахеева, Вера Лашуткина и Надя Попова, Рая Костюченко и Зина Лумельская, Николай Извеков и Женя Волков.

Много вопросов стояло перед сотрудниками Озерной станции. Почему, например, озеро не замерзает? Каково строение его дна? Каковы глубины? Что за странности происходят с климатом, если в Артыбаше зверствует мороз, а в Яйлю или на кордоне Чири тепло, как в Крыму?

При замерах дна гидрологи обнаружили подводный хребет. Валентин Селегей предложил назвать хребет именем Софии Григорьевны Лепневой, первой исследовательницы Телецкого озера, руководившей экспедицией Государственного гидрологического института в 1928—1934 годах.

Удалось выяснить и причины незамерзания озера. Оно очень глубокое, потому долго сопротивляется морозу. Из-за большой глубины практически прогревается верхний 20—40-метровый слой, остальная часть воды в течение года имеет температуру, не превышающую четырех градусов. Прогрев озера начинается лишь в конце июля. Южная часть за счет притока теплых вод Чулышмана прогревается быстрее.

Явные несообразности климата тоже результат своеобразия господствующих ветров, географического положения, строения рельефа.

Конечно, все эти выводы извлекались из упорной работы. Каждая цифра в сводке наблюдений, замеров — многодневные походы на лыжах, коньках, пешком по озеру и в горы километров на сорок от поселка. Это ночевки в охотничьих избушках, а иногда прямо под кедром, тяжелые восхождения к гольцам, где в зимние месяцы скапливается много снегов и нужно проводить регулярные замеры, чтобы точнее прогнозировать, к примеру, объем весеннего половодья.

Когда начинается паводок и быстро меняется уровень воды, приходится объезжать на моторной лодке наблюдательные посты. Как правило, скорости течения гидрологи определяют с помощью дистанционных гидрометрических установок. Но есть на реке Чулышмане один пост, где течение и расход воды надо определять с лодки, движущейся по тросу. Ширина реки в это время метров двести. С грохотом и пеной несет мутная вода. Плынут по стремнину бревна, сучья, вырванные с корнем деревья. Они запросто могут разбить лодку. Надежда только на мокрый от пота и покрытый солью спасательный жилет. Обычно эту работу выполняет сам Селегей.

По результатам наблюдений составлялся «Гидрологический ежегодник» — своеобразная летопись погоды и режима Телецкого озера.

И происходило странное. Чем больше сотрудники узнавали об озере, тем больше возникало новых вопросов. Ведь исследователь похож на художника-реставратора: на запыленной временем картине под его чудодейственной рукой появляется силуэт, затем детали; каждая деталь обрастает подробностями, цветом, оттенком. Смысл первозданного вряд ли будет восстановлен

на сто процентов, но каждый день приближал к истине, а дней этих, как и методов реставрации, было много.

На Озерной станции работает еще один интересный человек — Николай Павлович Смирнов, старейший наблюдатель водомерного поста. Его дневники — это клад для фенологов, биологов, климатологов.

В молодости Смирнов учился в Москве на рабфаке, но заболел. Врачи посоветовали переменить место жительства, поселиться в каком-нибудь тихом уголке. Так в 1927 году он попал на Телецкое озеро.

Поселился он в старой избе на берегу реки Чири, на голых камнях. Задумал Николай Павлович разбить огород, посадить сад. Землю пришлось возить на лодке с другого берега озера. Позднее он подсчитал, сколько земли перевез. Оказалось, больше тысячи тонн. Трижды река в половодье размывала сад, снесла и первую избу, но Николай Павлович отстраивался и начинал все сначала.

Сейчас лучше его сада нет на Телецком озере. Все яблони, давно набравшие силу, он вырастил из семян, районировал такие сорта, о которых здесь никогда не слышали. Его саженцы ныне распространились по всем прителецким садам и краям.

Таков человек, взрастивший на каменистой земле свой сад. А ведь это большая ценность. Сад вдохновляет людей, говорит о творческой мощи человека, он учит, что нет суровых и скудных земель, что труд творит чудеса.

На память об озере я привез кедровый корень, похожий на копыто лося. Его выбелило время. Волны сточили шероховатости. Теперь он будет напоминать не только о розовых закатах и могучих лесах, хмурых гольцах и водном безмятежье, но и о людях, мудрых, добрых, одержимых, о тех, кто своими нелегкими делами озаряет места, где живет.

Е. Федоровский

„ЛЕСНЫЕ ДРОЗДЫ“

В отряде «Лесные дрозды» были получены точные сведения о тех, кто разбивает птичьи домики. Патрули представили списки имен всей компании, а также план расположения их базы в шалаше у истоков Пискарева ручья.

Захватить их врасплох не представляло труда, но в отряде не спешили: было не ясно, как поступить с захваченными потом.

— Надо всех этих разбойников привлечь на свою сторону, — говорил Лев Яковлев.

— Они не привлекутся, — возражали ему. — Разве им не известно, что мы существуем? Почему они к нам не записались? Объявление приглашало всех желающих.

— В донесении есть одна деталь, — развернул листочек бумаги Яковлев. — Нам показалось странным, что над их шалашом и вокруг развешаны синичники. Наш отряд там не был.

— Ах, вот они какие нечестные! — сообщение Яковлева не успокоило ребят. — Они хотят нашему отряду насолить, а птичьи семьи должны из-за этого страдать. Надо напасть на них немедленно и отвести под надежной охраной в милицию.

— Пусть сначала поломанные скворечники починят, — раздался чей-то голос.

Лев Яковлев, дождавшись тишины, повторил:

— Пусть скворечники починят!

Послышалось:

— Правильно! Верно!

На этом и сошлись.

Однажды утром шалаш у ручья был окружен. Но осажденные не хотели сдаваться до того, пока не выяснили условия плена. А узнав, перестали бросаться шишками, корягами и вышли на встречу.

— Так и быть, починим ваши скворечники. Не можете без нас обойтись. Да мы, если хотите, вместо одного сломанного два новых сделаем.

Этот порыв был по достоинству оценен нападающими, но, пользуясь правом победителя и зная хитрость Васиной компании, они поставили условие: делать скворечники только в мастерской школы.

Во время работы бывшие хозяева шалаша внимательно разглядывали экспонаты, коллекции отрядов орнитологов, энтомологов, голубых патрулей.

— Может быть, вам еще в чем-нибудь наша помощь требуется? — межпрочим, спросил кто-то из новых знакомых.

— Дел у нас хватает, — ответил

Лев. — Получено сообщение о том, что молодые листочки на яблонях скручиваются в трубочки. А внутри тля. Очень много тли.

— Разворачивать листочки нам неинтересно! Потяжелей работа есть?

— Есть, Вася! Тысячу божьих коровок сможешь собрать? — лукаво улыбнулся Лев, но его собеседник этого не заметил.

— А что? Специально предлагаешь, думаешь, терпения не хватит?

— Значит, договорились? Но соберите не всех, а только тех, у которых семь точек на спине.

— Понятно. — И Васькины приятели ушли, возглавляемые своим командиром.

— Каждый по тысяче! — уточнил Яковлев.

— И чего они за ним ходят? У него же голова задом наперед, — не выдержала Роза Алимова. — Неужели они не поняли, что Левка предложил ему разворачивать листочки, но только с помощью божьих коровок?

— Ладно, Роза! А мы много знали, пока с нами не стала заниматься Роза Фотиевна? — примирительно сказал Геннадий Асанов.

Уже давно в школе не раздавался звонок, но ребят здесь было по-прежнему много. Чернореченцы собирались в высокой бревенчатой избе, чтобы обсудить вместе с биологом Розой Фотиевной Захаровой план помощи фруктовому саду.

Ребята рассказали учительнице о том, что в их полку прибыло: виновники разбитых птичьих домиков обнаружены, направлены на выполнение полезных дел.

— Ну и нам расслаживаться некогда! Надо собрать на каждый гектар по пятьсот-семьсот божьих коровок. Дело к вечеру, а нам за работу. Их сейчас легче обнаружить. Ищите на сорных растениях вдоль изгородей. Уверена, что сад мы спасем!

Разобрав литровые банки, ребята ушли.

На следующий день в саду другая группа воевала с черными садовыми муравьями. Это они с жадностью уничтожали божьих коровок, совершая набеги из своих убежищ, расположенных в трещинах яблонь. Прежде чем переселить божьих коровок в сад, надо было убрать небольшие кучки — дома черных садовых муравьев и выкурить их из трещин деревьев.

Работали ребята дружно, и, когда их товарищи с банками и колбами в руках появились в саду, прозвучала команда:

— Вперед, божьи коровки!

Многим переселенкам новые места понравились, и они прижились. Ведь пищи было вдоволь. А часть не выдержала тоски по сорнякам и улетела. Но от чернореченцев не скроется. Они предполагали, что у божьих коровок разные характеры: одним понравится, другие улетят. Поэтому за лето еще два раза занимались переселением этих насекомых в сад.

У чернореченцев не ко всем муравьям такое нетерпимое отношение. К лесным санитарам они относятся с уважением. Знают много подробностей из их жизни. Потому что соседи. И ребята и муравьи живут в лесу. Школу чернореченскую охраняют высокие древние сосны. В том, что чувствуют себя деревья хорошо, — заслуга ребят ну и муравьев тоже.

Чернореченцы помогли муравьям расселиться с таким расчетом, чтобы на каждом гектаре было не меньше семи конусообразных домиков.

Нелегкой была эта работа. Муравьям невдомек, что их берут к себе в союзники друзья леса, мальчишки и девочки. Нападали на них, как на врагов.

Решили ребята попробовать ночью. Взяли лопаты, носилки, мешки, фонарики. Пошли в чащу. У муравейников тихо. Все в домике спят. И только несколько сторожевых муравьев ползают в дозоре.

На новом месте ночные переселенцы прижились быстрее дневных. Они активнее ремонтировали муравейник и раньше привели его в надлежащий вид.

Сейчас на территории лесничества триста двенадцать муравейников, и у каждого свой номер. А главный командир этого большого хозяйства Валерий Гаврилов говорит, что ребята на этом не остановятся.

Как-то пришло в школу письмо: «Вам хорошо быть лесничими, лес-то под боком. А у нас степи!»

Грустно стало чернореченцам после таких беспомощных строк. Разве охранять и беречь природу можно только в лесу? И решили они делом доказать, что в степи инициативным ребятам тоже есть чем заняться.

А степи у них рядом. Пройди несколько сот метров до опушки — и вот они, бескрайние чувашские степи. На многие километры ни деревьев, ни кустика. Именно на границе леса и степи стоит чернореченская школа.

— Давайте на степь лесом пойдем! — призывала друзей Тамара Антипова.

— Кто же защитит от холодных вет-

ров молодые посадки? — спрашивали орнитологи.

— Наука нам поможет! — ответили члены секции ботаников и лесоводов. — Вырастим степную вишню.

— За нами дело не станет! — согласился Лев Яковлев. — Сажайте вишню, а мы шмелей разведем для опыления.

Так появился в школе питомник древесно-кустарниковых пород.

— Со степной вишней хлопот было! — так и не иначе начинает рассказывать гостям о своей работе Тамара Антипова. — Семена в холодильнике держали, чтобы раньше времени не ожили. Вымачивали в содовой воде, думали, что лучше будет всхожесть. А когда местные жители в конце мая начали сажать картошку, посадили мы свою будущую вишню. Семена проросли.

Сколько было радости. Но и забот не меньше. Зато саженцы мы отправили в ту самую школу, где ребята завидовали нам, чернореченцам.

Так пятиклассники приобрели новых друзей из степной школы и новых сподвижников. «Если вы смогли, мы не хуже» — таков был смысл благодарственного письма.

Чернореченцев же степная вишня так увлекла, что они решили разводить, акклиматизировать деревья, которые не растут в их краях. Вскоре в их питомнике появилась карельская береза, облепиха, черноплодная рябина и даже каштан.

Железнодорожники узнали про чернореченский питомник и обратились к ним с просьбой:

— Давайте ваш лес в степь поведем вдоль железной дороги. А то машинисты говорят, что Черную речку проедешь, жди заносов.

Ребята согласились помочь. Был сформирован отряд «Стрела» из добровольцев лесоводов. Они начали переселять саженцы из питомника к железной дороге. Машинисты, проезжая мимо ребят, махали им руками, а некоторые выбрасывали свертки. В них были книги о природе. Страницы пахнули свежей типографской краской.

— Пока сажали деревья, целую библиотеку собрали. — рассказывает Тамара. — Гости удивляются, откуда у нас столько разных книг.

Чернореченские ребята успевают всюду. Они делают шмелевики и развешивают их в садах, чтобы лучше опылялись цветы деревьев. Ведут наблюдения за насекомыми и точно устанавливают, кого надо охранять, а с кем бороться.

Планам их нет конца. А получается у них все потому, что есть у них верные друзья, учителя Роза Фотиевна Захарова, Виссарион Иванович Иванов и директор школы Илья Максимович Ионов.

Г. Цепулин
Рис. И. Филиппова

Рис. Т. Сопиной

ТРАВИНКА СО ВСЕХ СТОРОН

Сколько растений на свете? Точно ответить трудно. Приблизительно можно сказать: в нашей стране поселилось более шестнадцати тысяч разных видов растений. Ландыш, хрен, фиалку да репу каждый видел. А вот кто знает, что такое жузгун, зябра, сусак или, скажем, шор-аджерик? Между тем зябра — это просто сорняк, хотя и с красивыми желто-фиолетовыми цветочками. Жузгун — кустарник с мелкими-мелкими листочками. В Средней Азии местами его так много, что он там главное топливо. Из

листьев сусака можно плести циновки, а шор-аджерик известен тем, что хорошо растет на солончаках, и хотя не совсем питателен, все же иногда идет на корм баранам и буренушкам. Кормовые растения. Не так их и много. В нашей стране возделывают, выращивают около восьмидесяти видов кормовых многолетних и однолетних растений. Восемьдесят и шестнадцать тысяч! Одно сравнение этих цифр заставляет задуматься. Конечно, среди тысячи растений немало таких, что ни поросятам, ни верблюдам в

рот не захотят взять. Немало ядовитых, способных отравить и даже убить животное. И все же 80 из 16 000. Как же тяжело было человеку отобрать эти скромные десятки видов из тысяч и тысяч! Сколько труда потрачено, чтобы выявить привычки, вкусы и потребности растений, чтобы из дикарей превратить их в культурных, высокопродуктивных, питательных! Многовековой опыт простых крестьян, собранный по крохам воедино, современные лабораторные исследования, проведенные с по-

мощью электронных микроскопов и ультрацентрифуг. Миллионы кропотливых анализов, многолетнее упорство, радость находок и разочарование неудач селекционеров. Горький опыт засух и суховеев, упорная битва за обильные урожаи... Все слилось воедино, чтобы вырастить траву-мураву, без которой немислимо животноводство. Шипит ли на сквородке аппетитная яичница, летя ли из крынки густое молоко — начало у продуктов животноводства одно: растения. И конечно, список полезных кормовых растений все время растет. Вот один лишь пример.

Специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института каракулеводства считают, что в список культурных трав пора включить кейреук — дикую солянку. Она не боится ни холода, ни засухи, может расти и на твердых глинистых такырах, и на каменистых склонах, и на слабозасоленных песках, дает урожай сена до тридцати центнеров с гектара. Это в пустыне-то. И сено притом такое, что всем животным оно нравится. Словом, кейреук — сущая находка. Только вот как его сеять, ведь ветер пустыни быстро сдует вспаханную перед посевом землю? Сеять надо с помощью... самого ветра. Сперва осторожно посеять солянку тридцатиметровыми полосами, оставляя между ними вдвое большие нераспаханные промежутки — тогда, если даже с распашанных полос частицы почвы ветер унесет на нераспаханные, там они и застрянут. А как только семена созреют, ветер разнесет их по всему участку, так что вскоре на нем свободного от зарослей клочка земли не окажется. И что особенно приятно, кейреук — растение многолетнее, раз посеял, пятнадцать-двадцать лет собираешь урожай.

Больше растений, хороших

и разных, — больше надо и земли под луга и пастбища. Землю не очень удобную надо превратить в удобную, плодородную. Срыть кочки да чахлые кусты. Осушить луга заболоченные, подкормить их удобрениями, посеять отборные семена клевера, тимopheевки, овсяницы, мятлика. Да после сева тяжелыми катками прикатать землю, чтобы ветер и дождик не унесли, не смыли семена и частички почвы. А там, где земля холмами и оврагами спускается-подымается, там особенно много забот и хлопот. Если землю на склонах всю сплошь вспахать, то весенние и летние ливни унесут безвозвратно самый лучший, самый плодородный слой почвы. Вот почему пахут полосами в двадцать-тридцать метров шириной, а между ними оставляют такие же полосы нетронутой земли. Прием простой, да хитрый.

Плуги и сеялки, катки и сушилки. Какая только техника не собирается воедино, чтобы вырастить травинку-былинку! Может быть, не стоит? Может быть, пусть она сама растет? Без ухода, без надзора, без подготовки? Нет, все эти заботы-хлопоты необходимы. Положил в землю удобрений на один рубль — выгоды получил три рубля. Подготовил землю как следует — двадцать, тридцать, пятьдесят лет будешь хороший урожай собирать. Позаботился о семенах отличного качества — вырастишь травы в пятьдесят раз больше, чем с дикого луга. Но мало собрать урожай. Его еще и сохранить надо.

Совсем недавно в обиходе животноводства появилось слово «сенаж». Коротко сказать — это консервы из травы, которая чуть провялена, подсушена. И нарезана на кусочки. В хранилищах, без доступа воздуха, травяные консервы отлично сохраняются.

Но и про сено нельзя забывать.

Нехитрая с виду операция — заготовка сена, а на деле требует полчищ разнообразных машин. Даже прежде, готовя корм одной-единственной буренушке, крестьянин брал на вооружение целый набор инструментов — косу, грабли, вилы, лестницу и, конечно, телегу. А сейчас на луга приходит многочисленная рать механизмов, снабженная зубьями, вентиляторами, гидроцилиндрами и рычагами. Тракторная косилка оставляет за собой полосу свежескошенной травы шириной в шесть метров. Да и движется она вперед достаточно стремительно. Еще бы, ее ножи стригут траву, делая своими зубчиками в одну минуту более тысячи движений. Поистине скоростная техника. И не только скоростная, но и широкозахватная. Тракторные грабли раскинули свои пружинистые руки на пятнадцать метров. Траву убирает комбайн с вполне подходящим именем «Вихрь». А где земля настолько влажная, что буквально хлюпает под ногами, кажется, ни пройти, ни проехать, работает комбайн, вооруженный широкими гусеницами. Прессует сено в тюки пресс-подборщик. Сушит траву, дробит ее в муку, сам в мешки засыпает. Целый завод!

Во всем мире не перестают думать над тем, как бы усовершенствовать, изменить, сделать еще более удобным и быстрым такое стародавнее занятие человека, как приготовление сена.

Присмотримся повнимательнее к сенокосилкам. Огромные тракторные косилки хороши на тех лугах, где от края другой край не увидишь. А ведь сколько у нас полей в лесах, сколько приовражных склонов, просто дорожных насыпей, где радуют глаз сочные травы! Только к ним с громоздкой техникой не подступиться.

Невозможно притащить тракторную или даже конную косилку на поляну, в овраг, в плодовый сад. И снова человек берет в руки стародавнюю косу.

Теперь и эта ручная работа механизмуется. Люберецкий завод выпустил первую партию косилок под названием «малогабаритная самоходная». Эта косилка с мотором в четыре лошадиные силы. Но с одним колесом. Идя рядом с ней, рабочий скашивает в восемь раз больше, чем если бы он без усталости работал косой. С ней легко маневрировать среди деревьев, пеньков, на склонах, на обочинах дорог.

Есть машины, которые подбирают сено с земли, прессуют в прямоугольные тюки, даже проволокой обвязывают.

А может быть, еще лучше из сена не тюки, а жгуты-кобасы делать? Так решил один изобретатель и сконструировал машину, которая сено... в косички заплетает. Три барабана с крючками свивают из травы сразу три жгута. Потом жгуты ползут в воронку, которая, вращаясь, скручивает их в один толстенный жгут. Бесконечную травяную кобасу, что выходит из машины, легко и удобно развесить для просушки, выдать скоту.

Как сушить сено, вопрос непростой. Важный. Исследования показали, что, если делать это, как наши деды и прадеды — в прокосах да в валках, на земле, иногда две трети всех полезных веществ из травы просто улетучиваются. Чтобы консервы для коров получались действительно питательными, солнце должно подсушивать сено равномерно, а ветер все время продвигать его. А вдруг, как назло, дождь? Опять сушить, ворошить?

И вот всего лишь один пример, совсем недавний пример того, как электрические силы выступили против сил стихийных.

В страдную пору сенокоса, как известно, массу неприятностей приносит пасмурная и дождливая погода. Не сможет ли здесь помочь электричество?

И вот в Вильнюсском государственном университете занялись приготовлением «электрического сена». Была сконструирована оригинальная машина. Движущаяся лента транспортера несла слой травы, который проходил между электрическими разрядниками. На траву обрушивались электрические удары напряжением в тысячи вольт. Трава мгновенно подсыхала. Конечно, это еще не было совсем готовое, полностью сухое сено. Но подготовленная электрическими разрядами трава высыхает потом значительно быстрее. А это так важно, если погода переменная или дождливая! И еще. Электричество как бы консервирует растение. Гораздо больше сохраняется в сене витаминов и всех питательных веществ. Оно получается наивысшего качества.

А если не сушить, а... замораживать?

Быстрозамороженные горошек, сливы, помидоры стали популярным блюдом. Оказывается, с помощью холода можно обеспечить вкусным зеленым кормом и животных. Конечно, в условиях средней полосы страны строить специально холодильники дороговато, а вот в зоне вечной мерзлоты это выгодно. Там даже достаточно вырыть хороший погреб, или, как его здесь называют, мерзлотник, и в нем будет поддерживаться постоянная температура на несколько градусов ниже нуля. Работники Анадырского питомника хранят в таких мерзлотниках мороженую траву до самой весны. Салат для животных держат в мешках, а перед кормежкой оттаивают. И кролики, и птицы, и даже черные лисы с охотой едят

богатый витаминами зеленый корм.

И все же специальные холодильники строить надо. И их строят. Советскими инженерами созданы мощные холодильные машины. Главное их достоинство — они производят дешевый холод. Уже сейчас эти мощнейшие турбохолодильные машины применяют на консервных заводах для быстрого замораживания зеленого горошка, клубники и прочих вкусных вещей. Не только консервным комбинатам, но и крупным совхозам нужны новые холодильные установки. Специалисты мясного животноводства, инженеры и экономисты обсуждают возможность применения сверхмощных холодильных агрегатов для приготовления свежемороженой травы. Такой корм будет обладать наивысшей питательностью, полностью сохранит свой вкус и витамины. Для животноводства откроются совершенно новые возможности.

«Значительное повышение продуктивности природных кормовых угодий, расширение посевных площадей зернобобовых культур и многолетних трав, коренное улучшение технологии заготовки, хранения и использования кормов» — важная задача, которая определена постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР».

Агрохимия, селекционеры, метеорологи, животноводы, электротехники, конструкторы, экономисты, люди множества профессий делают все, чтобы вырастить, собрать и сохранить урожай, чтобы своим ударным трудом ответить на важное решение партии и правительства.

Б. Зубков

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

СЕНТЯБРЬ

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Афанасий Фет

Трехпалый

Возле нашего аула стали находить следы трехпалого волка. Этот волк был знаменит на всю округу. Он выкрадывал овец из загонів, резал телят, пасшихся на луговинах, неподалеку от аулов.

Люди у нас заволновались, но ничего страшного не произошло. Волчьи следы были свежими, однако скотину волк не трогал.

Бывалые охотники поняли, в чем дело: трехпалый где-то поблизости от аула выкармливал выводок. Добычу он искал на стороне. И точно, мальчишки в зарослях камыша наткнулись на трех волчат. Волчата были большие, а мальчишки маленькие. Взять волчат они не смогли и побежали в аул за помощью. Пока взрослые собирались, пока ружья заряжали, трехпалый увел свой выводок. И в ту же ночь из нашей овчарни исчез лучший баран.

Трехпалый был верен себе. Пока он жил вблизи аула, не беспокоил ни людей, ни овец, по времени даром не терял. Изучал все скотные дворы, где есть собаки, где нет.

А как вырастил волчат, так и показал свои зубы: добрую дюжину баранов утащил из аула.

Трехпалого наши охотники не подстерегли. Все засады он обходил, на приманку не попадался, а потом и совсем исчез из наших мест. Знал, видно: рассердить людей — себе беды нажить.

М. Зверев

Монетная дорога

— Здравствуй, дедушка! — приветствую я повстречавшегося на поле деда Игната.

Он останавливается. Степенно снимает с седой головы высокий картуз. Неторопливо кланяется.

Я удивленно заглядываю в берестяное лукошко деда. В него он будто бы зачерпнул одним махом горячее пламя утренней зари.

— Далеко ли ягодку брал? — спрашиваю я у деда.

— Не! Рядом. За Монетной дорогой, — отвечает он. Здесь я не впервые. Исколесил, казалось, все леса, а о такой дороге слыхом не слыхивал ни разу. Звучное название!

Я вопросительно вскидываю брови. Но дед не видит этого. Шероховатой, в трещинах, ладонью пересыпает он в лукошке рубиновые ягоды брусники.

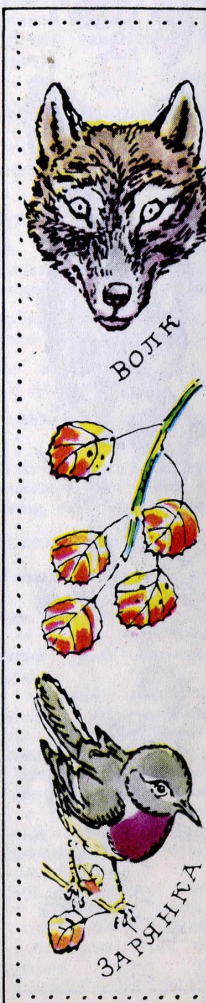
— Это где же такая красивая дорога? — интересуюсь я снова.

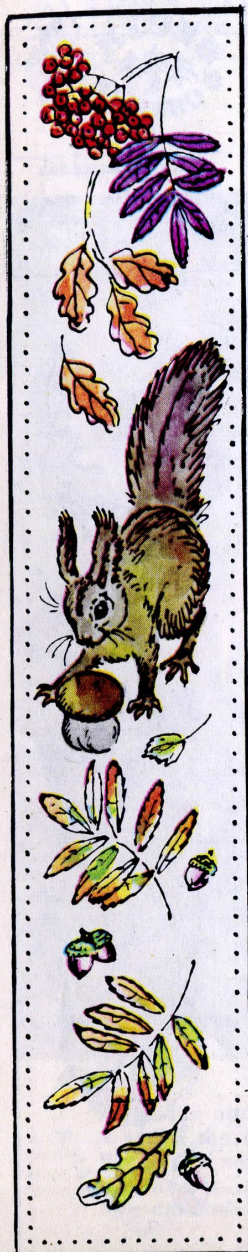
— Э! — хитровато тянет дед Игнат. — Ты, почитай, и бывал-то у нас только зимой. Дорога же эта в сентябре лишь название свое оправдывает. Настоящая Монетная! — восхищенно произносит дед и показывает, как к ней пройти.

И вот я иду высокой сухой просекой. Она, как стрела, пронзила высокоствольные березняки. Осенний ветер срыгает и щедрыми пригоршнями сыплет мне под ноги золотые монетки листьев. Дорога густо усеяна этим остывающим золотом лесов. Идти здесь легко, радостно. И, несмотря на то, что в природе всю властвует осень, в душе нет места грусти и печали.

Рис. И. Кошкарёва
Фото Р. Воронова
и А. Чиркова

Я гляжу на убегающую в глубь лесов дорогу и вспоминаю разговор с дедом Игнатом.

Как щедр на краски и глубину смысла великий русский язык! Какое емкое, какое звучное дано название этой прекрасной лесной дороге! Этой уходящей в глубь лесов сухой песчаной просеке, усыпанной осенним золотом остывающих монет.

Монетная дорога. Настоящая Монетная дорога!

А. Рыжов

Белкина находна

Уселся на пенек близ тропы, рюкзак к ногам прислонил. Вдруг глядь — напротив гриб голову из листвы высунул. Да еще какой — белый, король грибов! Я не собирал грибы, и этот лесной подарок был мне совсем ни к чему. Не повезешь же один гриб домой!

Так вот и сидел я на полянке, отдыхал и разглядывал грибного короля.

Вдруг слышу, сзади листва шуршит. Потихоньку поворачиваю голову, гляжу: белка скачет. И уж совсем было мимо того пенька, где грибной король спрятался, пробежала, но потом остановилась, приподнялась на лапках, повертела головой и к пеньку прыг-прыг. И тотчас короля обнаружила. Лапками, р-раз, выломала, надкусила, попробовала, видать, вкусный — понравился!

Так белка гриб нашла.

А. Кузнецов

Спутница

Не раз в дождливые сентябрьские дни наблюдал я серенькую птичку с красноватой грудкой и таким же горлышком. Она называется зарянкой и величиной не больше синички, с такими же тонкими лапками и клювиком. Отыскиваешь в частом мелколесье последние красногодовые подосиновики, и она около вертится. Остановишься посмотреть на нее, а птица тоже тебя наблюдает, сидит в полтора-двух метрах и головку с одного бока на другой перекаладывает. Я так и думал, что это она из любопытства к человеку присматривается.

А раз, когда собирал орехи на зарастающей орешником и осинником вырубке, я опять свою старую спутницу увидел. Погода хмурая, несколько раз дождь по листьям скрести настраивался. И вот как-то оглянулся я неожиданно на свой след, а красногрудка бежит по земле и склевывает с травинки, сбитых моими ногами, букашек. Увидела, что я остановился, и перелетела на ветку, смотрит на меня.

Вот оно, в чем дело! Погода сырая, и все насекомые забились под травинки и палые листья. Я же хожу и тревожу их ногами, заставляю шевелиться и показывать себя. Вот у зарянки и получается приятное с полезным — букашек наловит да и любопытство свое птичье умерит.

Н. Пашков

Неужели плен

Каких только чудес не встретишь в лесу! Как-то осенью я возвращался с лукошком грибов из Яснополянского леса. Вышел на тропинку, перепрыгнул через ствол гниющего дерева и остановился, не веря своим глазам. Посмотрел вверх, потом вниз, обошел это чудо кругом, потрогал рукой — да, настоящие деревья.

Вот что было передо мной. Растет дуб. Рядом с

дубом впритирку к его стволу присоединилась доверчивая липа. Ствол ее потоньше и построеннее. На высоте примерно одного метра, там, где ствол липы прикоснулся к стволу гордого дуба, последний выпустил с обеих сторон ласты-напльвы, которые обхватили ствол липы мертвой хваткой. До соединения напльвов остается два-три сантиметра. Метрах в трех от этого места, повыше, такие же напльвы душат бедную липу.

Пройдет два-три года, зловещие объятия дуба соединятся над стволом шумливой липы. Что будет с ней, задушит ее дуб или нет!

И. Пичугин

АЗБУКА народной мудрости

Сбежались тучки в одну кучку — быть ненастью.

Тучи опускаются — к ненастью.

Облака стадами идут.

Коли облака переклубились, то грозы не будет.

Бродячие облака воды не несут.

К полудню появятся черные толстые облака — вечером дождь.

С севера кучевые облака — к вёдру, с запада — к ненастью.

При заходе солнца затягивает небо с севера — к ветру.

Беловатые облака над водой, быстро исчезающие при восходе солнца, — к ясной погоде.

Облака редкие — будет ясно и холодно.

Появляются облака комками — дождь долго не продлится; облака кажутся плоскими — дождь затянется надолго.

Толстые кучевые облака ходят низко — к ненастью, высоко — к вёдру.

Красные облака до восхода солнца — к ветру, тучи — к дождю.

Небеса облаками одеваются, радугой опоясываются.

Если после продолжительного ненастья облака, заволакивающие все небо, сходят как бы пеленою, установится вёдро.

к примеру, листья костяники: летом были зеленые-зеленые, а сейчас зарделись, словно налились густым румянцем. Даже спорыш раскраснелся, стелется на опушках живописным рядом, а на ошупь жесткий, грубый. Срежь пожелтелых папоротников, на пнях высыпай осенних опят. Громоздатая кучками, только срезать успевай. Летние виды грибов сходят, теперь

все чаще попадут в корзину тугие листопадники: грузди, волнушки, рыжики и поздние белые. Осенний гриб крепок и нечервив.

В погожий день еще мелькают над жухлыми травами нарядные бабочки-крушинницы, трепетно стучат большие стрекозы-коромысла. Отрадны и птицы с их прощальными песнями. Особенно голосисты скворцы, поющие у родных домиков.

Вдаль пронеслись молодые трясогузки. Скоро осеннее небо огласится криками журавлиных стай.

Впереди будут еще и по-настоящему ведрен-

ные дни, когда природа ненароком расщедрит на тепло и ласку.

За полосой ненастья — яркая теплынь «бабьего лета». Золотые снопы лучей вернут среднерусским просторам не только приветливые улыбки цветов, но и звонкие песни пернатых, кучевые, причудливые облака, радужные светлые вод. Сентябрь — умильная пора года! Запасайтесь бумагой и карандашом, надо торопиться в поля, луга, к реке, чтобы не упустить случая узнать самые свежие осенние новости.

Застарелое жнивье кое-где заткано тончайшим шелком пауков-тенетников. А на озимом клину —

изумруд чистейшей зелени: всходы выкрасились, избыв младенческую лиловость. Наблюдая за посевами ржи, юные фенологи замечают осенью следующие фазы вегетативного роста: всходы, третий лист и кущение. Нелишне запомнить, что фаза третьего листа наступает у ржи на седьмой день после всходов.

В лесу самое интересное сентябрьское явление — начало листопада. В своем дневнике отметьте сроки, когда в кроне появились первые желтые листья, а также: пожелтение половины листьев [дерево запестрело] и, наконец, полное пожелтение листьев. Затем наступает за-

ключительная фенофаза — листопад. В сентябре расстанутся с летней красотой вязы, черемухи и липы. Кроме погодных условий, на скорость листопада влияют также характер местности, близость грунтовых вод, особенности почвы и, конечно, возраст деревьев.

Взглянем и на клумбы. Как они встретили осень? Похоже, что во всей стране. Поздние цветы стоят горделиво и к тому же собой обаятельны, живописны. Особенно радуют взор густо-красные канны, венчающие мощные стебли. Им стоят неувядаемыми до самых запозданных морозов.

А. Стрижев

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Обеднели леса и луга цветами, скоро лето кончат. Ищет взгляд пестрых пятен цветов, но у многих растений уже и плоды опали. Видишь осенью только желтенькую кульбабу, белую бедренец-камнеломку да кое-где ястребинки. Чаще всего встречается ястребинка волосистая, начинает отцветать ястребинка зонтичная. Цветки у ястребинок так малы, что подробно их можно рассмотреть только в лупу. А то, что кажется крупным пушистым желтым цветком, на самом деле соцветие-корзинка из множества собранных вместе цветочков. Это соцветие всем знакомо по ромашке. Растения с таким соцветием объединяются в ботаническое семейство сложноцветных.

Среди сложноцветных есть сорняки — осот, мать-и-мачеха; масличные — подсолнечник; декоративные — астры, маргаритки, георгины. В общем, обычные наши растения. Ястребинки необычны. Необычны всем, кроме разве облика. Но, как известно, по одежке встречают, поэтому о необычности этих растений очень долго и не подозревали. Ястребинки привлекали многих ботаников и любителей растений своим многообразием. В XIX веке ботаники различали несколько сот форм ястребинок. Считалось, что в природе существует несколько основных форм, которые, скрещиваясь, дают

множество разнообразных промежуточных форм. Вот что писали о ястребинках более 100 лет назад: «Этот род обладает таким необыкновенным богатством самостоятельных форм, как никакой другой род растений. Трудность расчленения и разграничения этих форм всегда привлекала внимание специалистов-ученых. Ни о каком другом роде не было написано так много и не велось таких многочисленных и жарких споров, не приведших до сих пор ни к какому заключению». И сейчас мы можем сказать о ястребинках то же самое, хотя многое узнали о них за 100 лет. Мы узнали направление, в котором надо вести поиски объяснения. Узнали, что очень многие ястребинки образуют семена без участия пыльцы. Поэтому все дети ястребинок-матери ее копии. Такое необычное размножение называется апомиктическим (или апомиксисом) и сходно с вегетативным, например с размножением клубники усами. Особенности такого размножения и привели к появлению большого числа форм, ведь стоит только одной ястребинке-матери вырасти чуть непохожей на других и обзавестись детьми, как появится на свет новая форма. Трудлюбивые ботаники найдут ее, дадут научное латинское название и запишут в толстые книги. Во всем мире форм ястребинок известно уже около 15 тысяч, а впереди еще много неисследованных территорий, много найденных форм. В огромном списке растений СССР («Флора СССР», 30 томов) только ястребинки занимают целый том, их описано 785. Но пока плохо изучены Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний

Восток, да и в европейской части все еще находят неизвестные нам ястребинки. Полного порядка среди этой массы форм ястребинок пока нет, так как мы еще не можем ответить на вопросы: как размножается каждая форма? Как меняются растения в течение своей жизни и в зависимости от условий, в которых живут? Всегда ли дети — полные копии своей мамы?.. Эти и другие вопросы пока остаются без ответа.

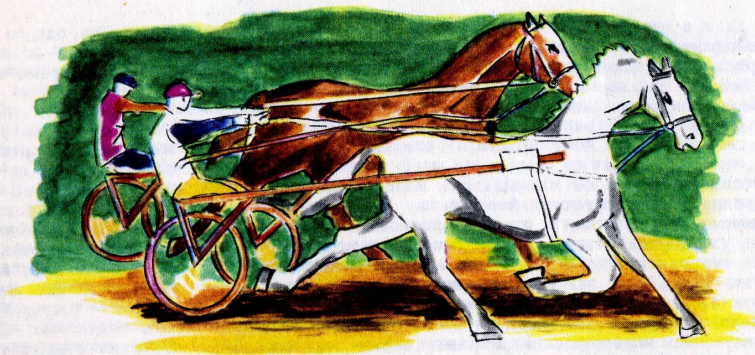
Впрочем, попытки решить их предпринимались уже давно. В связи с этим вспоминается история открытия апомиксиса у ястребинок. Одной из важнейших причин для этого открытия были неудачные опыты Г. Менделя. Около 100 лет назад он занимался изучением наследования разных свойств растений, выбрав для опытов горох. В результате скрещивания разных его сортов он установил важный закон: все дети родительской пары растений по вы-

бранному свойству похожи на одного из родителей, а внуки получают разные, три из них похожи на одного родителя, один — на другого.

Свои опыты с растениями Мендель продолжил на ястребинках и был очень расстроен, что открытый им закон не подтвердился. Мендель перестал скрещивать ястребинки, когда испортил себе зрение и не мог уже видеть тычинки и пестики в крошечных цветочках. Он не знал, что ястребинки не подчиняются его закону из-за апомиксиса, это обнаружили много позже. А во время опытов Менделя апомиксис был известен у одного-двух родов растений и считался исключительной редкостью. Сейчас этот способ размножения открыт уже у 318 родов растений (у манжетки, одуванчика, мятлика, даже у некоторых берез).

К. Глазунова

Непридуманные истории

Хитрец Восторг

В тот год был очень хороший урожай овса. Зерноскладов не хватало. Пришлось засыпать овсом манеж и теплушки (так называются комнаты в конюшнях, где греются дежурные, хранятся и сушится сбруя и другие предметы). В одной конюшне теплушка находилась рядом с денником, где стоял двухлетний жеребец, орловский рысак Восторг.

Перегородка между помещениями была деревянная, внизу прогрызли небольшую дырочку. Как-то дежурные обратили внимание на то, что из денника Восторга периодически раздается стук. Сообщили мне. Я стал наблюдать за Восторгом, и вот что оказалось. Когда засыпали овес в теплушку, немного его просыпалось через дырочку на пол денника. Восторг, конечно, съедал овес, а потом, когда у него просыпался аппетит, стучал ногой по перегородке. От сотрясения овес сыпался через дырочку на пол, жеребец его съедал и опять стучал. И так до тех пор, пока не наедаясь.

Вот до чего додумался хитрец Восторг.

Проназник

Среди зимы, когда некоторым жеребяткам было уже по два-три месяца, конюх обнаружил, что по утрам в деннике красавицы Боярыни, у которой был малыш, носивший кличку Белоконд, на полу все время стоит вода. Прежде всего осмотрели поилку. Она оказалась вполне исправной. Стали наблюдать.

Оказывается, Белоконд подсмотрел, как его мать пьет воду. Когда она нажимала мордой на язычок поилки, весело бежала вода. Малышу это понравилось, и он стал проназничать: подходил к поилке, нажимал на рычаг мордой, и вода текла, заливая пол денника. Пришлось подвязать язычок, а Боярыню поить из ведра.

Мирта-табунщица

Как-то летом я шел из конюшен домой. Дорога проходила недалеко от оврага, за которым на скло-

не пасся табун годовалых кобылок. Приглядевшись, я заметил, что пас лошадей не конюх-табунщик, а молодая кобыла Мирта американской рысистой породы. Она внимательно следила за лошадьми, не давала им разбегаться. А если ее не слушались, прижимала уши, оскаливала зубы и грозила укусить.

Подождал поближе. Мирта мастерски выполняла обязанности табунщицы, а он спал, пригретый заходящими лучами солнца. Разбудил конюха. Он признался, что делает это не в первый раз, так как вполне доверяет своей помощнице Мирте.

Сменалистый конь

Дорога спастбища к конюшне рабочих лошадей шла по аллее вековых лип.

Одному молодому коню, видимо, хотелось побыть еще на пастбище, и он спрятался за толстую липу, пропустил табун и конюха, а когда они скрылись за поворотом, спокойно вернулся на луг. Причем хитрец все пред-

усмотрел. Не спрятался за дерево боком: иначе голову или хвост обязательно бы увидел конюх, а стал к стволу головой и таким образом оказался невидимым.

Верность дому

Произошел перелом в Великой Отечественной войне. Фашистские орды под несокрушимым напором доблестных советских воинов откатывались назад, унося ноги с советской земли. Было получено разрешение вернуть из эвакуации, Западного Казахстана, в родные места — на Чесменский конезавод Воронежской области — поголовье племенных лошадей.

И вот месяц нелегкого, но радостного пути уже позади. Табуны подходят к родным местам. Еще один перевал, и табун будет дома, где не был больше года.

Но что это? Двадцатидвухлетняя Киприда, которая родилась, выросла в этих местах, мелькнула вдруг по табунку и выбежала на родные пастбища. Остановилась, подняла голову, посмотрела во все стороны, и из ее горла понеслись рокошующие мягкие звуки. Затем она оглянулась на табун, вздохнула и медленно пошла, пощипывая зеленую траву. И весь табун повернул за ней.

Она узнала родное пастбище.

Большая дружба

В тридцатых годах среди рысаков, проходивших испытания на Центральном Московском ипподроме, выделялись два орловских жеребца: белый, как молоко, стройный красавец Улов и вороной, могучий, точно выточенный из чер-

ного мрамора, Мох. Оба они были рекордисты. Улов — абсолютный все-союзный рекордист среди рысаков обеих наших пород — орловской и русской. А Мох, хотя и побеждал всех других соперников, соревнуясь с Уловом, как правило, уступал ему первенство.

Пришло время подумать о потомстве. Оба прославленных орловца были отправлены на лучший конезавод Советского Союза — Хреновской, в котором была выведена эта порода и которому в 1975 году исполняется 200 лет.

Их поставили рядом в лучших светлых и просторных денниках. Перегородка между ними была не сплошная, а из железных прутьев. Они видели все время друг друга, да и на тренировках к будущим бегам ходили всегда рядом.

И вот оба жеребца вернулись в Москву. Соперников у них в это время было мало, и почти всегда орловцы выступали вместе.

Однажды я пришел на ипподром. Развернул программу — звезд для орловцев старшего возраста с участием Улова и Мох. Оба красавца прошли почти по всей дистанции рядом, и только на финише наездник Улова, лучший мастер тренинга Николай Романович Семичев, поднял руки, гикнул, и Улов, подавшись вперед, на полковину корпуса опередил Моху и пришел первым. Но что это? Почему на голове Улова такое странное приспособление: к уздечке прикреплен большой закрытый наглазник, полностью лишаящий жеребца видеть левым глазом то, что происходит сбоку.

Зашел на конюшню к Николаю Романовичу, спросил. Опытный мастер улыбнулся и рассказал.

Оказывается, за время, пока Улов и Мох были на конезаводе, они так привязались друг к другу, что даже во время соревнований Улов ни за что не хотел обгонять Моху. Держался только рядом. Никакие уговоры не действовали, а ударом хлыста Николай Романович еще ни разу не оскорбил своего любимца. Тогда и придумал он отгородить Улова от Моху закрытым наглазником с той стороны, с которой положено обходить соперников. Только так можно было заставить Улова опередить друга.

Упрек

На Чесменском конезаводе перед войной жил жеребец орловской породы Посол. Красавец, мягкий по характеру и очень доброжелательный к людям. Я тогда работал главным зоотехником. Ежедневно обходя конюшни, обязательно заходил в так называемую заводскую, где стояли жеребцы, чтобы навестить Посла, и угощал его сахаром.

Мы подружились. Как только я появлялся в коридоре конюшни, Посол узнавал меня по шагам и сейчас же приветствовал. А когда я входил к нему, он начинал ласкаться: терся о плечо своей изящной головой и, если сахар еще не был у меня в руке, пытался засунуть свою морду ко мне в карман.

Получив лакомство, он приветливо качал головой, а я гладил его и ласково с ним разговаривал. Наступила тяжелая пора войны. Посла, как и других племенных лошадей, пришлось эвакуировать. Я не видел его года четыре. А узнав, что лошади возвращаются, поспешил на конезавод.

Приехал к начкону — так на конных заводах называют главных зоотехников. Когда мы вошли, разговаривая, в коридор длинной конюшни, из дальнего конца раздалось радостное ржание. У меня замерло сердце: это же Посол приветствовал меня, узнав по голосу.

Бегом помчался я к деннику, открыл дверцу и увидел, что Посол ме-

чется, подбегает к решетке и радостно ржет. Увидев меня, он прижался к моему плечу и стал совать морду мне в руку и в карманы, не переставая издавать

мягкие, тихие, рокошующие звуки, что на языке лошадей выражает радость.

А у меня ничего не было. Я думал, что за четыре года Посол забыл ме-

ня, и не запасаю лакомством.

Дружба и любовь Посла оказались прочнее моей.

Б. Троицкий

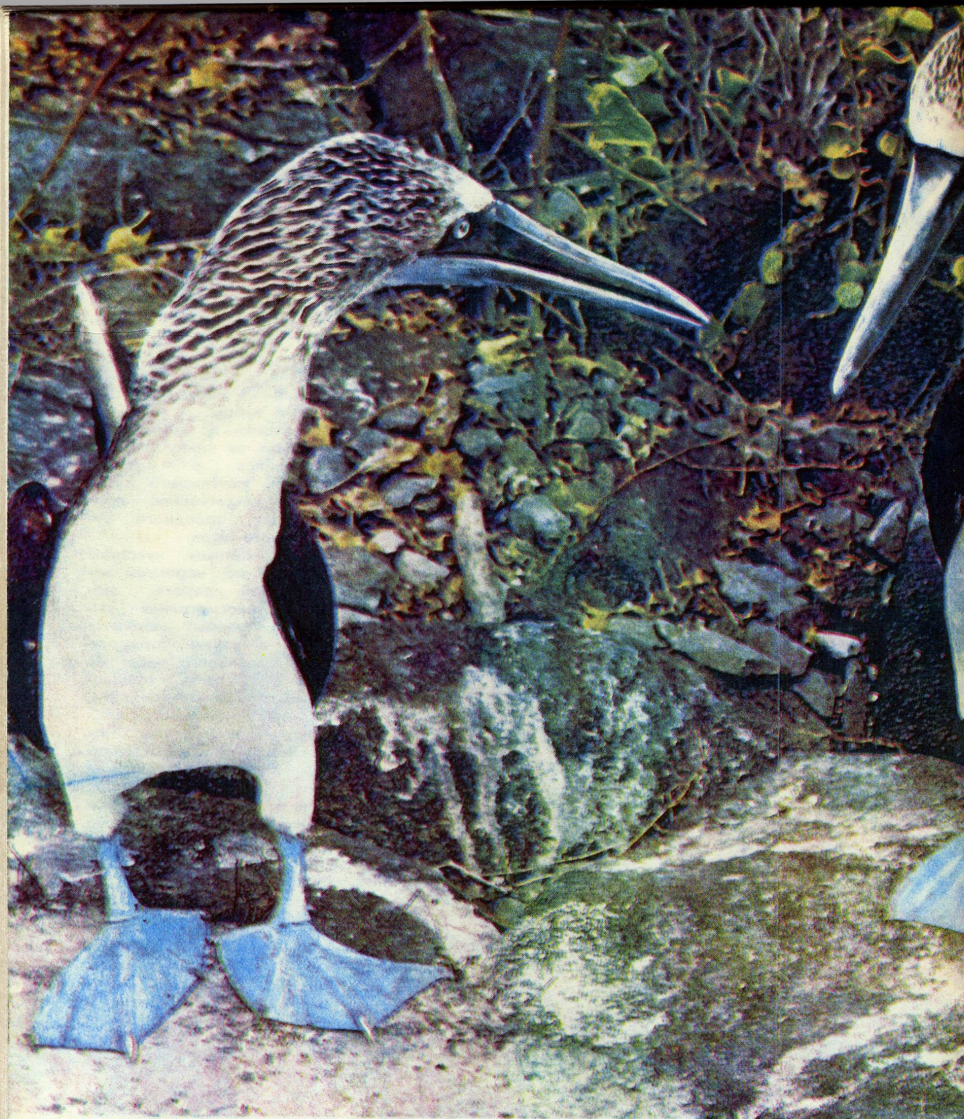
Рассвет еще не наступил, когда, закрипев тормозами и замедлив ход, автомобиль выкатил на обочину. В крутом повороте свет фар заскользил по нагроможденным вдоль дороги валунам и вырвал из тьмы небольшой столб с прибитым к нему указателем. Стрелка показывала на восток, туда, где вдали лежал Главный Кавказский хребет, поднимающийся к небу свои скалистые зубцы.

Я вышел из машины и, забросив за спину рюкзак, направился в сторону ущелья, уходившего куда-то в таинственное пространство холодного сумеречного утра.

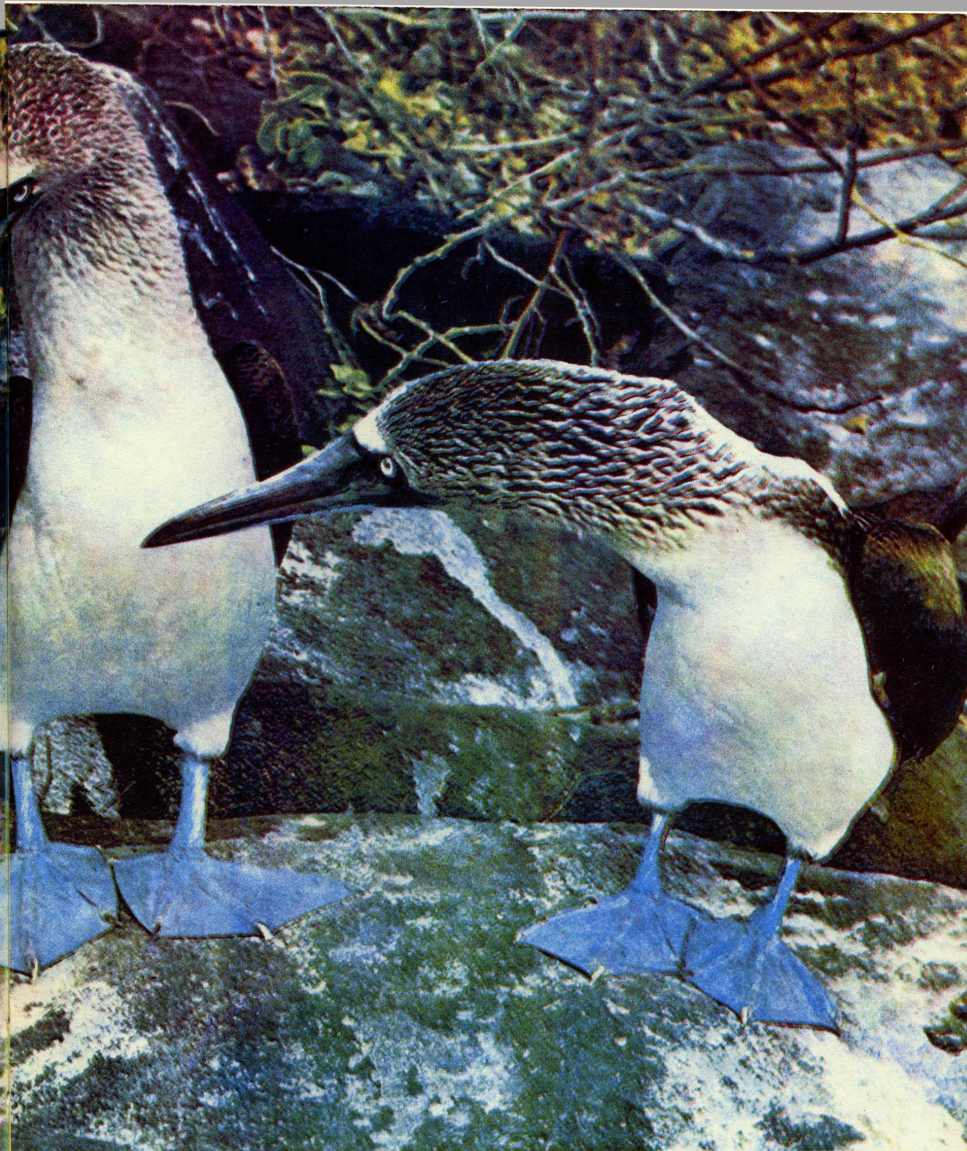
С трепетным чувством шагал я по неровной заснеженной дороге, любовно рассматривая вычурные узоры мохнатых сосен в узком коридоре темно-сиреневого неба. Их пушистые лапы, придавленные тяжестью снега, были недвижими.

Начинало светать. Побледнело небо. Постепенно погасли последние звезды уходящей ночи. Теперь уже отчетливо просматривались крутые склоны высоких гор, которые то поднимались в неприступные вершины, то обрывались отвесными скалами в каменную бездну. За горами, словно зарево от гигантского костра, разгоралась заря. Верхушки гор заалели, покрылись позолотой и вдруг вспыхнули ярким светом. Синие тени нехотя поползли вниз. Где-то там, за хребтом, солнце уже взошло. Его косые лучи ошупывали вершины. С каждой минутой лучи проникали все дальше и дальше. А тени ползли еще ниже и ниже, уступая свои права свету нового дня.

Г. Смирнов
Фото автора

Голубоногая, или синеногая, олуша живет и гнездится на островах Тихого океана, близ северных берегов Перу, Мексики и Эквадора и на Галапагосских островах. Она встречается реже своих сестер — других олуш — и ведет одинокий образ жизни. Правда, в период гнездования и голубоногая олуша собирается в стаи. Гнезд она не строит, а кладет свои два, в редких случаях три яйца прямо на песок или камни. Эта птица считается прибрежной, хотя и улетает за пищей далеко в открытое море, стараясь придерживаться теплых вод. Едят олуши рыбу, кальмаров и ракообраз-

ных. Любимая же пища голубоногих олуш — летучие рыбы. Олуши сопровождают корабли, причем летят не за кормой, как обычно это делают чайки, а впереди корабля, который испугивает летучих рыб. Вот тут-то олуши и хватают их.

Охотясь за рыбами, олуши, как правило, ловят их под водой. С высоты 15—30 метров с разгону они ныряют и уходят под воду на 30-метровую глубину, где не раз попадали в рыбачьи сети. Схватив рыбу, они глотают ее, выныривают, взлетают и тут же снова ныряют. И так, пока не насытятся.

Осьминог Бриара — так называют его ученые. Он обычен в Вест-Индии — у Багамских и Антильских островов, у берегов Кубы, Гаити, Пуэрто-Рико и полуострова Флориды. Живет он всегда на морских мелководьях.

Осьминог этот довольно крупный. Кожа у него обычно бугристая, шершавая, но иногда бывает и гладкая. Окрашен он в светлый красно-коричневый цвет, но может, как все осьминоги, быстро менять свою окраску до ярко-красной, темно-корич-

невой, а в зависимости от настроения или от того, надо спрятаться от врага или быть незаметным, и до совсем светлой, голубовато-серовой или даже пятнистой.

От обыкновенного осьминога он отличается мягкостью тела и более длинными «руками», которые, когда нападает на него хищная рыба, легко отрываются и остаются у обидчика. А сам осьминог, выпустив чернильную «бомбу», быстро скрывается от врага.

ЛЕНИВЕЦ

Назвали это животное так странно потому, что все движения его медленны и вялы. Обитают ленивцы в Центральной и Южной Америке. Если ленивца не потревожить, он будет спать почти все время. Спит, повиснув на ветке дерева, за которую крепко держится своими сильными когтями. Проснется, чтобы поесть, и опять засыпает. Питаются ленивцы листьями и почками деревьев. Даже сам процесс еды у этих животных такой же медленный, как и все их движения.

В длинной шерсти ленивца обитают микроскопические водоросли. Когда в дождливый сезон в тропических лесах на родине этого животного они разрастаются, шерсть ленивца кажется зеленой, и тогда невозможно разглядеть его на фоне зелени.

ГЕKKОН

Гекконы истребляют такое огромное количество докучливых насекомых, что некоторые жители тропических городов специально держат их дома. По вечерам, после захода солнца, эти юркие ящерицы массами собираются к свету. Движения их быстрые и ловкие, как у всех ящериц. Но в отличие от своих родственников гекконы умеют «разговаривать»: пищат, щелкают, чирикают и даже квакают.

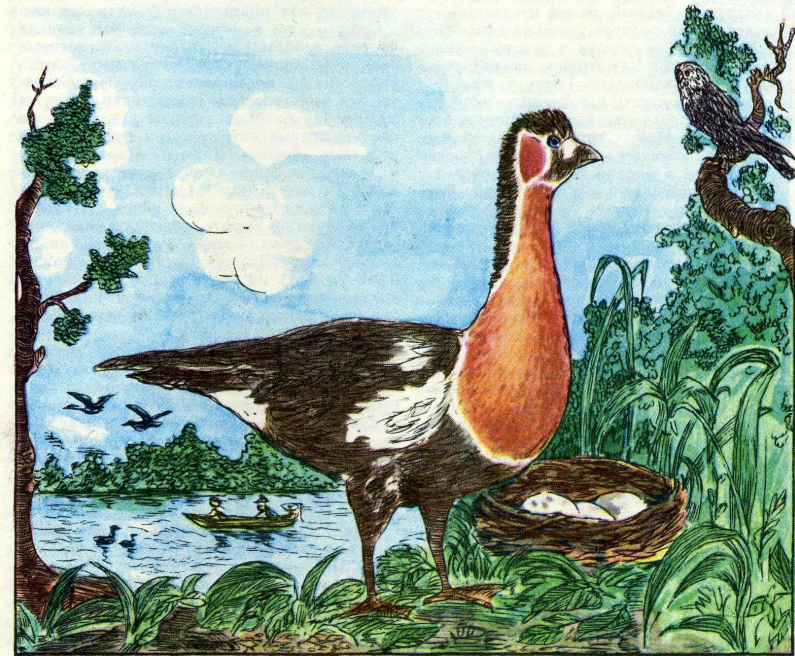
Большинство гекконов — ночные животные. Окрасены они скромно — в серо-бурые тона.

Дневные же гекконы очень красивые, особенно мадагаскарские. Одного представителя этих гекконов вы и видите на фотографии. Он небольшой, до 10 сантиметров. Живет на деревьях и носит очень красивый изумрудно-зеленый наряд.

КРАСНОЗОБАЯ КАЗАРКА

Во время орнитологического конгресса, который проходил в Москве, мы попросили ученых назвать несколько самых интересных, самых редких птиц нашей страны. Ученые называли разных птиц, но каж-

дый из них непременно упоминал о краснозобой казарке. О ней не так часто пишут, как о фламинго, лебеди или розовой чайке. Правда, посетители Московского зоопарка всегда обращают внимание на крас-

САХАРНЫЙ ПОССУМ

Сахарный летающий поссум — большой сладстена. Другие его родственники едят листья, насекомых, а он предпочитает пить нектар цветов с деревьев, на которых живет.

Маленький серый зве-

рек со светлой головкой и длинным пушистым хвостом очень похож на белку. Днем спит, свернувшись калачиком, в гнезде, а ночью, как проголодается, скачет с цветка на цветок. Потом вдруг бросается с головокружительной высоты к подножию другого дерева. Когда летит, между передними и задними лапами у него растягивается кожистая склад-

ка. Поэтому и не падает, а спускается, словно на парашюте, преодолевая за прыжок до 50 метров.

Поссумы — животные сумчатые. Сумка у них глубокая, открывается вперед. Это и хорошо — иначе они потеряли бы своих детенышей.

Зверьки поссумы ласковые, легко приручаются, в неволе не капризничают и едят почти все.

нозобых казарок. Они живут на прудах вместе с другими водоплавающими и выделяются среди них удивительно красивой окраской. Три цвета в оперении краснозобой казарки — черный, белый и красный — распределены по туловищу весьма замысловато. Птица будто черная и сверху и снизу. Однако, когда смотришь на казарку, прежде всего замечаешь грудь и шею — они даже не красного, а какого-то особенного терракотового цвета и окаймлены белой оторочкой. Между глазом и маленьким аккуратным клювиком — белое пятно, часть перьев крыла и подхвостье тоже белые, а щеки — шоколадные с каемочкой. Ростом казарка чуть больше утки, но поменьше гуся, плавают и ныряют не хуже своих сородичей.

Но за одну красоту не попасть в список избранных, а ведь краснозобую казарку хотя бы включить в специальную Красную книгу особо охраняемых редких видов животных СССР. Гнездится она только в нашей стране, причем на очень небольшой территории — в тундре Таймыра, по низовьям Енисея и Оби, на восточном побережье Ямала. Значит, если казарка там исчезнет, не останется этой птицы нигде на свете.

Да, краснозобую казарку действительно можно назвать не только редким, но даже исчезающим видом. Мы поняли это, когда побывали в таймырской тундре и своими глазами увидели этих птиц на воле, в их обычной обстановке.

Было это на далекой и совсем пустынной реке Логате, самом крупном притоке Верхней Таймыры. Нашу небольшую экспедицию доставили к верховьям реки на гидросамолете, а потом мы спустились вниз по течению на резиновой лодке.

В конце июля в тундре царит короткое, но пышное и громкогласное лето. Все северные растения расцветают разом, все птицы и звери торопятся вывести и поднять на ноги свое многочисленное потомство. Солнце не заходит за горизонт даже после полуночи; крики чаек, гусей, разных куликов не смолкают ни на минуту круглые сутки.

Лодка плыла совсем бесшумно. За каждым изгибом реки перед нами оказывались большие стаи линных гусей — по несколько десятков и даже сотен птиц вместе. Во время линьки у гусей и казарок выпадают маховые перья, и птицы не могут летать — крылья у них куцые, голые. Хлопая ими по воде, застигнутые врасплох гуси отчаянно мчатся, поднимая каскады брызг. Самые хитрые выскакивают на берег, удирают со всех ног, а иногда смешно затаиваются между кочек, прижавшись к земле и вытянув шею.

В этой безлюдной местности, где даже волки часто бродили у нас на виду, а пес-

цы доверчиво подбегали к палатке, гуси оставались все такими же пугливыми и осторожными. Хотя их было очень много, подойти к ним близко не удавалось — они уплывали или прятались, едва заметив нас.

Однако уже в первый день мы увидели на реке небольшую стайку птиц, которые вели себя иначе. Они доверчиво плыли вдоль берега прямо навстречу нашей лодке. Это были краснозобые казарки. Вот уже можно без бинокля различить пеструю их окраску, белые пятнышки на головках, аккуратные черные клювы. Поравнявшись с лодкой, казарки лишь слегка забеспокоились от наведенных на них фотоаппаратов — они вертелись из стороны в сторону, но не думали нырять, уплывать или спастись бегством. Наши ружья лежали на виду у птиц. Двумя выстрелами можно было уложить на месте всю эту стайку, но казарки не чувствовали никакой опасности, словно понимали, что мы исследователи, а не охотники.

Много раз встречались мы со стаями линных казарок, с их выводками, и все птицы были такими же бесстрашными. Если гуси удирали от нас, то с казарками мы, как правило, расходились на неширокой реке, точно встречные корабли. Случалось, птицы плыли впереди лодки, прямо перед носом, и нам приходилось выходить на сушу, проводя лодку вдоль самого берега, чтобы обойти их.

Может быть, краснозобые казарки ведут себя так только на далекой, безлюдной Логате? Оказывается, нет. Отсутствие страха перед людьми — свойство этой птицы. Правда, она не так доверчива, как знаменитая дикуша, позволяющая надевать себе петлю на шею. Однако любой, даже совсем неопытный охотник может подойти к казаркам на близкий выстрел. И потому им приходится часто расплачиваться жизнью за свою доверчивость, становясь легкой добычей охотников и браконьеров.

На Крайнем Севере до сих пор принято охотиться почти круглый год. Существующие правила охоты запрещают стрелять краснозобых казарок, но этот запрет часто нарушается. Рыбаки, местные жители и особенно участники различных экспедиций, которых теперь так много на Севере, нередко стреляют или ловят «краснозобиков», и птиц становится меньше и меньше. По всей тундре от Ямала до восточного Таймыра краснозобая казарка становится все более редкой.

Птица эта беззащитна не только перед человеком. Она не может самостоятельно защитить свое потомство от других многочисленных врагов — поморников, чаек, псов, которые привыкли жить в тундре грабежом, разоряя гнезда других птиц, поедая маленьких беспомощных птенцов. И

казарки стали гнездиться под защитой пернатых хищников — соколов-сапсанов, мохноногих канюков или белых сов. Эти сильные птицы не пускают в свой район ни одного поморника или пса. С громкими криками набрасываются они на незваного гостя и прогоняют его.

По неписаному закону тундры пернатые хищники не трогают тех птиц, которые живут рядом с их гнездом. Вот почему около гнезда сапсана, канюка или совы обычно селятся казарки или гуси. Здесь, под надежной охраной хищника, они спокойно выводят своих птенцов. Но вот что интересно. Зоолог А. В. Кречмар находил в тундрах по реке Пясины поселения краснозобых казарок даже в колониях крупных полярных чаек — злейших разорителей птичьих гнезд. Но и эти разбойники не обижали «своих» казарок.

Мы сами убедились в справедливости этого правила. Крикливые соколы-сапсаны и мохноногие канюки устраивают свои гнезда по крутым береговым откосам — ярам, ведь в тундре нет деревьев. Вблизи первого же крутого яра, над которым с криками летала пара канюков, мы увидели три выводка краснозобых казарок. Птенцы были еще совсем маленькие — наверное, они недавно спустились на воду. В каждом выводке мы насчитали по пять птенцов. Рядом с ними плавали оба родителя. Когда мы хотели приблизиться, чтобы сфотографировать птиц, казарки не очень встревожились. И все-таки мать с птенцами отплыла в сторону, а самец самоотверженно преградил нам путь, подпустив к себе лодку вплотную. Скоро мы уже безошибочно знали: если слышатся вдали пронзительные крики сапсанов, если виднеются высокие прибрежные откосы, значит, вблизи встретятся и казарки.

Раньше много этих птиц было в бассейне большой реки Пясины на Западном Таймыре, но сейчас казарка и там стала очень редка. И дело здесь не только в охотниках. Оказывается, в тундре заметно сократилось количество соколов-сапсанов. Они улетают на зимовки в европейские страны. Там широко применяются различные ядохимикаты. Хищные птицы поедают отравленных ядом грызунов или мелких птичек и сами тоже отравляются. Если в организм птицы попадают небольшие дозы яда, она остается жива, но теряет способность принести потомство. Все чаще в тундре теперь можно встретить пару сапсанов, которые строят гнездо, но птенцов вывести не могут.

Если не будет пернатых хищников, не останется и краснозобых казарок — таков один из жестоких законов природы. Каждая биологическая цепь состоит из отдельных звеньев, и размыкать ее нельзя.

Правда, многие виды животных умеют приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. Неспроста краснозобая казарка стала гнездиться теперь даже рядом с чайками. И все-таки биологические свойства и особенности поведения этой птицы так своеобразны, что угроза ее исчезновения становится все более реальной.

Надо сказать, что краснозобым казаркам приходится испытывать много трудностей не только в родных тундрах, где они появляются на свет, а и в теплых краях, куда птицы летят на зимовки.

Раньше огромные стаи казарок зимовали у нас на западном побережье Каспийского моря. Еще зимой 1968/69 года их тысячные стаи отмечались в Кызыл-Агачском заповеднике. Но за последние годы места зимовок переместились за пределы нашей страны, в Средиземноморье. Нынешней зимой краснозобых казарок во всем Кызыл-Агачском заповеднике было не более тысячи.

Краснозобая казарка — символ и гордость нашего Севера, всей нашей страны. Она не гнездится нигде более, и мы несем полную ответственность перед потомками за сохранение этой замечательной птицы. Краснозобая казарка не сможет существовать на земле, если люди не придут к ней на помощь, не прекратят всякую охоту на нее, не создадут специальные заповедники в тундре и на местах зимовок. Но прежде всего нужно широко оповестить всех, что казарку следует охранять. Ведь очень многие люди, особенно живущие на Севере, понятия не имеют о ее редкости и ценности. Увидели казарок — и давай стрелять, даже если в этом нет необходимости.

Сегодняшний Север — совсем не та далекая окраина, которой он был еще недавно. Сейчас нет нужды ловить сетями линных птиц для спасения от голода или зимней стужи. Былые охотники одеваются уже не в звериные меха, а в современную одежду, питаются теми же продуктами, что и жители средней полосы. Конечно, оленеводы, пасущие все лето в тундре стада оленей, могут добыть линных гусей, но уж никак не надо бы бить краснозобых казарок.

От Ямала до Таймыра, там, где еще живут эти птицы, по нынешним понятиям не так уж и далеко. На оленьих нартах ехать долго, а самолетом рукой подать. И живут там такие же ребята, как и вы. Если бы они взялись за охрану казарок, не стали бы их стрелять сами, когда придет пора взять ружья в руки, да пристыдили бы тех, кто нарушает запрет охоты на редких животных, думается, угроза исчезновения этих птиц была бы отведена.

Н. Носкова,
Ф. Штильмарк,

кандидат биологических наук

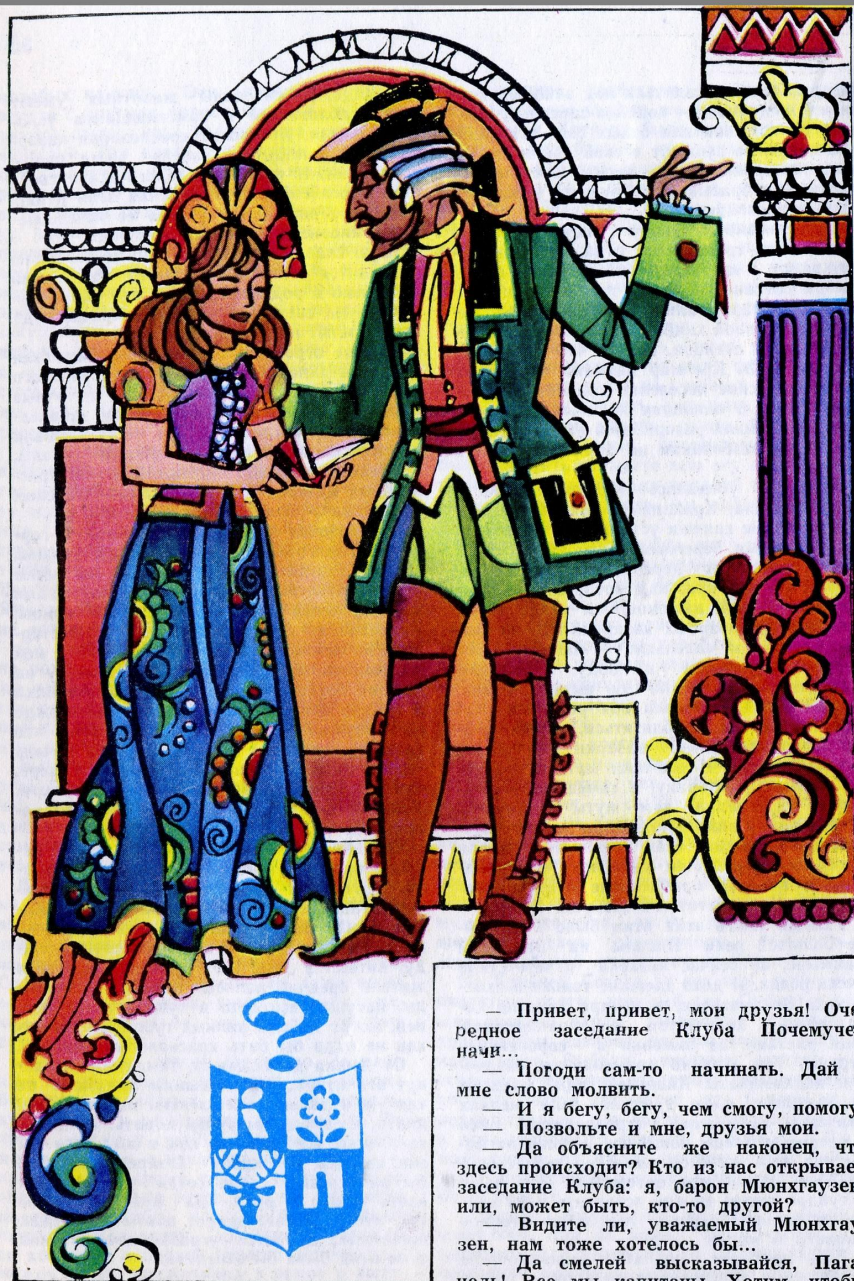

Рис. В. Карабута

— Привет, привет, мои друзья! Очередное заседание Клуба Почемучек начи...

— Погоди сам-то начинать. Дай и мне слово молвить.

— И я бегу, бегу, чем смогу, помогу.

— Позвольте и мне, друзья мои.

— Да объясните же наконец, что здесь происходит? Кто из нас открывает заседание Клуба: я, барон Мюнхгаузен, или, может быть, кто-то другой?

— Видите ли, уважаемый Мюнхгаузен, нам тоже хотелось бы...

— Да смелей высказывайся, Пагатель! Все мы капитаны. Хотим, чтобы Почемучки и нам письма писали.

— В таком случае, капитан Врунгель, и на этот раз меня выручит моя находчивость. Мне, как всегда, пришла

в голову блестящая мысль. Прошу внимания! Отныне заседание Клуба станет вести каждый из нас по очереди. В конечном итоге будет ясно, кто из нас с этим справится успешней.

— Постойте, постойте, уважаемые коллеги! Но кто нас рассудит? Кто назовет достойнейшего из нас?

— Почемучки! Члены Клуба получат право сообщить жюри свое мнение и назвать то заседание Клуба, которое понравилось больше остальных.

— Итак, все ли готовы начать состязание капитанов?

— Готовы!

— Уважаемые капитаны! Не забывайте: среди нас есть женщина. Василиса Премудрая, ваше право начать первой.

СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ! ВНИМАНИЮ ВСЕХ ЧЛЕНОВ КЛУБА!

Жюри поддерживает предложение Мюнхгаузена и его помощников и объявляет конкурс капитанов — ведущих Клуба Почемучек. Жюри будет принимать во внимание только подробные, доказательные утверждения. Мало назвать понравившееся заседание Клуба, надо доказать, почему оно понравилось.

Члены Клуба присылают свои отзывы в редакцию. Ведущий, который получит большее количество положительных отзывов, и будет победителем состязания.

Сегодня ведущая Клуба — Василиса Премудрая.

— Я из сказки пришла, сказки стану вам и сказывать.

В некотором царстве, в книжном мудром государстве жили-были люди страсть как любопытные. Что ни месяц минет, подавай им чудеса на удивление. Да только, чур, уговор: чудеса такие, чтоб не в сказке сказать, а всю правду описать.

Пришел мой черед тех людей удивить, чудом сразить. За тридевять земель не пойду, лишь кругом поглажу — чудеса сами объявятся. А так получилось иль не так, сами судите. Я лишь кликну птиц, зверей, мошек, цветов.

Эй, летите, бегите, спешите! Сами про себя расскажите. А я в сторонке посижу да послушаю.

Я — календула

— Меня почти все знают. И все же познакомимся — имя мое календула, или ноготки лекарственные. Родина моя — Средиземноморье, но и в Советском Союзе я охотно расту везде, где меня посадят, кроме северных районов, разумеется. Там для меня все-таки очень прохладно.

О моих свойствах люди знают очень давно, но я хотела бы еще раз рассказать о себе, ведь я могу помочь при самых различных заболеваниях, так как имею в тканях цветов и листьев очень большое количество различных химических соединений, которые накапливаю во время роста и цветения. В моих цветочных корзинках содержится до трех процентов различных каротиноидов, оттого-то они такие оранжевые, и до семи органических кислот, среди которых больше всего яблочной. Есть смолы, слизи, эфирное масло и даже небольшое количество алкалоидов.

Я помогаю при язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, при гастритах, болезнях печени и желчных путей, при сердечных заболеваниях, при гипертонии и при некоторых почечных заболеваниях.

Препараты из моих цветов рекомендуют для лечения ожогов, ран, ушибов, незаживающих язв, для полоскания горла при ангинах и стоматитах.

К нарывам и наружным опухолям прикладывают измельченные или цельные свежие листья, а сок свежих листьев закапывают в нос при насморке.

Красящее вещество из моих цветков употребляют в пищевой промышленности для подкраски сыра, масла и других продуктов.

Я помогаю даже в борьбе с нематодами, повреждающими розы. Для этого

между ними надо посадить несколько моих растений, и розы станут здоровыми.

Семена мои сохраняют всхожесть 3—5 лет. Высевать их лучше всего под зиму или рано весной во влажную взрыхленную почву, в бороздки глубиной не более 2—3 сантиметров, и сверху присыпать перегноем, смешанным с землей, слоем не толще чем в один сантиметр. Расстояние между рядами — 50 сантиметров. Я очень люблю удобрения, особенно азотные и фосфорные.

Скажу по секрету, для продолжительного цветения очень полезно срывать цветочные корзинки. Вначале через 2—3 дня, а позднее через 4—5. Семена для следующих посевов лучше всего собирать в августе—сентябре. Цветы нужно сушить в тени на ветерке, разложив их на бумаге, фанере, клеенке или на рамках, затянутых марлей или некрупной пластмассовой сеткой.

Не забудьте, что мои цветы долго стоят в воде и очень красивы в букетах вместе с голубыми, белыми и сиреневыми цветами.

Надеюсь, мы с вами увидимся?

А мое имя чистотел

— Ничего не скажешь: от всех болезней вы, календулы, полезны. Но советую быть скромнее: это может погубить вас. Впрочем, не подумайте, что я завидую вам. Мы, чистотелы, конечно, не так красивы, но довольно знамениты. Еще древние греки заметили, что мы распускаем свои желтые цветы в конце мая, когда возвращаются ласточки.

Мало того. Если хотите знать, чистотел — единственное наше растение, которое выделяет млечный сок желтого цвета. На воздухе он становится ярко-оранжевым. Только не вздумайте попробовать сок: горький, а если попадет в глаз — жжет. Да простят нас люди, приходится таким образом защищаться от животных. Не будь мы такими горькими, нас давно бы съели коровы. Ничего не поделаешь, иначе как сохранить себя и свое потомство?

Уж семена-то свои мы бережем и наряжаем: темно-коричневые, с белыми гребешками-придатками, они такие нарядные, такие заметные для муравьев! Те так и норовят собрать наши семена да набить ими свои дома. Нет, нет, за судьбу своих детей мы не волнуемся: муравьи съедят придатки, а семена выбросят наружу. И куда только не разнесут их! Мы растем повсюду: на пустырях, вдоль заборов, в огородах.

Что вы сказали? Типичный сорняк? Какие предрассудки! Какая безграмотность!

А вот вам и секрет: если меня, чистотела, превратить в порошок, я стану отпугивать бабочек-белянок. Настоять на воде — я готов бороться с тлей и щитовками. А спросите фармацевтов, что они могут сказать про меня? Свежий сок чистотела и чистотеловый крем помогают лечить раны и язвы, выводят бородавки.

Мало того, советские ученые предложили использовать мой сок при лечении туберкулеза кожи.

Надеюсь, я всех убедил в том, что по праву ношу свое имя — чистотел.

Мы — аютины глазки

— А я расскажу вам один случай.

Дело было поздней осенью. Помню, мы буйно цвели, радуя хозяев. А они задумали порадовать своих гостей, украсив цветами праздничный стол. Нарезали букет, поставили в банку с водой и оставили на террасе, чтобы были свежее. Ночью ударил такой мороз, что вода в банке превратилась в лед. Мы дрожали всеми своими лепестками. Наутро хозяйева, увидев нас, только всплеснули руками. Но банку внесли, поставили в тепло. Ах, как хотелось порадовать людей! И мы... Представьте себе, мы ожили! Хозяйева, не веря своим глазам, повторили опыт. Мы выдержали экзамен! Каков же был их восторг, когда они выкопали цветы из-под снега и украсили новогодний стол живыми аютиными глазками!

И с той поры люди достают нас зимой из-под снега. А чтобы он нас не засыпал, накрывают кустики ящиками или цветочными горшками.

— Ваш рассказ, аютина глазка, похож на известную сказку, в которой злая мачеха посылает зимой за подснежниками.

— Я предлагаю всем, кто сомневается в правдивости моего рассказа, проделать этот опыт или обратиться за подтверждением к моим хозяевам по адресу: Ярославская область, село Курба, улица Советская, дом 109. Олейник С. Н.

Будем знакомы: солодка

— Уж если говорить о необыкновенных растениях, так я самая знаменитая!

— Такая невзрачная? Из какого же вы семейства?

— Я растение семейства бобовых. Листья у меня действительно невзрачные, железистые, с сероватым оттенком. Зато фиолетовые цветки могут украсить букет не хуже, чем вы, аютины глазки. Живу я в пустынях и полупустынях.

— Не приходилось, представьте, слышать о вас.

— Однако меня люди знают очень давно, еще в VI веке, когда на северном побережье Черного моря процветали греческие города-колонии. Так вот, в Херсоне покупали у скифов-кочевников мой корень. Его тогда называли скифский корень и лечили им почти от всех болезней.

— Так вы и есть знаменитый скифский корень?

— У меня много названий: лакрица, глицириза, но точное — солодка.

— Скажите, солодка, если не секрет, за что вас так прозвали?

— За сладкий корень. Этот вкус ему придает глицирризин. Представьте, если взять одну часть его и развести в двух тысячах частях воды, она будет сладкой. Вот и пригодился мой корень тем, кто делает конфеты, варит пиво.

— Значит, вы, солодка, теперь не лекарство, как были у древних?

— Почему же? Во мне нашли глицирризиновую кислоту, и врачи лечат ею очень тяжелое заболевание — болезнь Аддисона. Кроме того, я помогаю при ревматизме, воспалении кожи, разных формах аллергии.

— В таком случае вас надо беречь. Много ли вас, солодка, растет на Земле?

— Когда-то нас просто истребили, а теперь нам живется спокойней, нас оберегают.

— И еще один вопрос: а как вы размножаетесь?

— У меня длинный корень, я пью воду из самых глубин почвы, а корневище располагается в разные стороны. Я разрастаюсь, на корневище появляются мои дети. И ни зной, ни соленая почва им ничем. Мы очень выносливы.

— Рада была познакомиться с вами, уважаемая солодка, и узнать, что вы и лекарство, и сладкое растение. И вы... просто красавица!

— Дошел черед и до вас, светлячки и удавы. Летите, ползите сюда, да побыстрее, тайны свои откройте. А вы, люди добрые, послушайте про то, о чем они вам поведают. Первое слово келип-келипу.

Тайна келип-келипа

— Ко-ко-ко! Ко-козявки тут какие-то бегают. Сейчас я их склюю...

— Остановитесь! Немедленно остановитесь, курица! Это же я, келип-келип! Ученые называют нас светляками-птероптукс.

— Несчастные букашки! Приходится придумывать невероятные имена, когда не можешь удивить ничем другим.

— Не делайте поспешных выводов, курица. Мы не похожи ни на каких других светляков, так же как и наше имя. Нас можно увидеть темной ночью. Словно маяк на невидимом берегу, начинается мигать огонек на дереве.

Когда мигают светляки одной ветки, кажется, кто-то включает и выключает ток. И вдруг все ветки, листья начинают мигать. Это значит — мы, светляки, собрались.

Хотите знать, как все это получается? Когда наступают сумерки, один из нас вспыхивает: дает сигнал. Тотчас

к нему присоединяется еще один, еще, потом все, кто находится на дереве, начинают мигать. Мы включаем свет дважды в секунду. Человек при этом видит только одно мигание.

Каждый из нас химик, который управляет лабораторией. Наши светящиеся органы питаются особым веществом — люцеферинном. Стоит ему соединиться с кислородом, как происходит окисление, а в результате люди видят свечение.

Как нам удастся мигать одновременно? Это наш секрет, который ученые еще не раскрыли. К сожалению, они не очень подробно знают о нас. Предполагают, что свои яйца мы откладываем на землю или неглубоко под землей. Личинки через год превращаются в жуков. Живем мы недолго. Ни разу в жизни не едим. Сидим и мигаем, мигаем, мигаем...

— А что скажут боа из семейства удавов?

Боа из семейства удавов

— Нашли чем хвалиться, доверчивые червяки! Сидят и мигают, сидят и мигают... И никакой маскировки!

— Но кто вы? И где вы?

— Совсем рядом! Вот что значит уметь надежно маскироваться.

— Вы тоже из рода светляков?

— Осторожно, букашки! Я удав! Изумрудный древесный боа! И этим все сказано. Древесный — я живу в основном на деревьях в лесах северной части Южной Америки. Изумрудный — на мне бриллиантово-зеленое платье с белыми или желтыми полосками. В таком наряде попробуй разгляди меня на зеленой ветке! Правда, наши малыши ярко-красные: приходится рисковать, чтобы одеть детей понарядней.

— Но зачем вам прятаться от врагов: у вас такие длинные и острые зубы?

— Подползите поближе, светляки! И я открою вам тайну. Мои укусы не ядовиты. Зубы нужны мне лишь для того, чтобы удерживать пойманных жи-

вотных, пока они не задохнутся в кольцах моего тела.

— Ах! Нам страшно!

— Не пугайтесь. Я не питаюсь букашками. Боа едят птиц и ящериц или мелких беспечных животных, которые приближаются к нам совсем близко. А-а-ах, как спать хочется. Мы спим все время.

— Но это так опасно. Вдруг на вас нападет охотник? И вы не успеете убежать.

— Бежать? Что такое бежать? Мы, боа, не делаем ни малейшей попытки спастись или напасть на человека. Мы умеем крепко обвиваться вокруг ветки — так, что не сдвинешь. А теперь прощайте. Я буду спать.

— Тут и моей сказке конец.

За тридцать земель не ходила, башмаков не избила.

Лишь кругом поглядела — чудеса сами объявились.

А так ли это — сами теперь судите.

КРОКОДИЛОВ ЕЛ?

Этот вопрос, обращенный Гамлетом к Лаэрту, совсем не риторический, не инсказательный. В средние века в Европе действительно ели крокодилов. Не с голодухи, а люди весьма состоятельные — кавалеры. Давался обет: «Съем крокодила!» — во имя возлюбленной, чтобы убедительнее выразить силу чувств к ней.

А где их брали, этих крокодилов? Когда начались Великие географические открытия, всякой экзотической всячины навезли в Европу. Собиратели кунсткамер, в особенности аптекари, покупали чучела крокодилов. А куда мясо девать? Его влюбленные и ели.

В своем отношении к крокодилам человечество прошло разные фазы: от религиозного поклонения до беспощадного избиения. В Древнем Египте крокодилам поклонялись. Крокодил был посвящен богу Сухосу, повелителю рек. Каждый год для его умиротворения на растерзание «священным» крокодилам в городе Омбосе отдавали красивых девочек. Пещеры с сотнями набальзамированных мумий крокодилов до сих пор находят в Египте. Подобные культы были и у племен, живших по берегам озера Виктория в Африке и в некоторых провинциях Индии и Индонезии. В Пакистане, недалеко от города Карачи, многих паломников и поныне

привлекает «священный пруд» — в нем живут крокодилы особо высокого религиозного ранга.

Позднее, с расцветом Рима, на кровавых аренах цирков крокодилы испытывали иную судьбу. Их тысячами привозили в Рим и убивали в цирках без счета.

Конечно, избиение на аренах цирков и сравнить нельзя с тем, которое началось, когда в страны, где живут крокодилы, явились люди с огнестрельным оружием. И вдруг выяснилось: крокодилы в природе просто необходимы. В провинциях Африки, где их стало мало, уловы промысловой рыбы резко упали. Оказывается, крокодилы пожирали много больной рыбы, пораженной паразитами, предохраня тем самым рыбы стаи от инфекций. Пришлось ввести законы, охраняющие крокодилов. Больше того, в Южной Африке теперь специально разводят этих животных. Не на фермах на убой ради кожи, а в инкубаторах и питомниках, чтобы позднее, когда подрастут юные крокодилы, ки примерно до метра длиной, выпустить их в реки и озера.

Крокодилы — по крайней мере некоторые их виды: миссисипский аллигатор, например, — расширяют водоемы отлага и чересчур густых растений. Копают дно лапами, углубляя его, а все наносы выбрасы-

вают на берег. От этой их мелиоративной деятельности есть польза и дикому населению природы: всем тем, чья жизнь происходит в воде или около нее. Роет такой пруд крокодил для себя и своего потомства. В нем поселяется, других крокодилов сюда не пускает.

Яйца крокодилы зарывают в песок. Некоторые сгребают в кучу гниющие листья и стебли — получается нечто вроде парника. Самки дежурят у гнезд, но их заботы о детях этим не ограничиваются.

У гребнистых крокодилов гнезда бывают высотой до метра, а диаметром до семи метров. Рядом, в грязи, самка роет и для себя яму. В ней лежит и, время от времени шлепая хвостом, обрызгивает свой гнездовой холм. Миссисипские аллигаторы делают примерно такие же гнезда. Стебли и листья самка приносит в пасты, складывает в кучу. Сверху в ней есть углубление, в котором лежат несколько десятков яиц, тщательно переложивших травой. А поверх нее — покрытие из растений толщиной в четверть метра. Чтобы нужные влажность и температура сохранялись в гнезде, крокодилица не раз переворачивает, разрыхляет растения.

Нильские крокодилы, если песчаный берег достаточно высок, зарывают яйца ближе к воде. Если он пологий и в паводок может быть затоплен, удаляются от воды на тридцать метров и там копают гнездовые ямки. Зубами и когтями расчищает самка песок от травы, землю роет передними лапами, а задними ее отбрасывает.

Три-четыре месяца зреют в песке яйца нильских крокодилов. И все это время забастая мать дежурит неподалеку. В жару уйдет в тень кустов или к воде, остынет и, придя к гнезду, встанет над ним. А капли влаги, стекая с ее ороговевшей кожи, увлажняют землю над яйцекладкой. Крокодилица почти ничего не ест, потому что отлучиться далеко нельзя: немало пернатых, пресмыкающихся и одетых в шерсть соседей быстро разворуют яйца. Особенно опасны нильский варан и болотный мангуст. Так и следят, когда уйдет подальше нерезвая на суше крокодилица, тут же яйца раскопают и унесут в сторонку.

Когда уже пора крокодилятам из-под земли выходить, «квакают» крокодиловые дети, за несколько метров их слышно. Мать разгребает песок над ними — выпускает на волю. Они совсем еще маленькие и очень беспокойные: хрюкают, цапают друг друга, в разные щели, в кусты норовят забраться, а вылепзи толком не умеют. Карабкаются к матери на морду, на спину. Хлопотно с ними, но мать довольна. Скоро ведет их к воде, словно утка утят. Однако повстречаться с ней в

это время опасно: она атакует всякого зверя и человека. У воды разные выводки часто смешиваются, держатся подальше от взрослых крокодилов. Когда матери охотятся, прячутся в гуще трав и кустов.

Первые семь лет крокодил вырастает в год примерно на четверть метра, а потом — лишь на несколько сантиметров. Двухлетний он около метра, в пять лет — без малого два. Сколько может жить и расти крокодил? Полагают, лет до ста. В неволе жили некоторые пятьдесят и больше. Редко, но попадались прежде семиметровые крокодилы. Но и это еще не предел.

Когда зной высушит реки и озера, крокодилы переселяются в другие водоемы. Застав переселенца на суше, львы и слоны атакуют его. От хищников кошачьей породы крокодил отбивается хвостом и зубами, отступая с арьергардными боями. Но от слонов старается поскорее удраить, прошмыгнуть где-нибудь низом кустов, прорваться через разрозненные шеренги окружающего стада. Мечется из зарослей в заросли, всюду натыкаясь на взбешенные серые громады, а вырвавшись на чистое место, вдруг скачет невозможным, казалось бы, для крокодила аллюром — галопом! Притом задние ноги, как заяц, выносит вперед больше, чем передние. Галопировать крокодил не может долго и скоро вновь сбивается на приземистую и нерезвую свою рысь.

Бегемоты не выносят крокодилов. Тут же следует яростная атака, лишь нечто похожее на крокодила появится вблизи. На территории, охраняемой бегемотами, могут пить, не опасаясь подводной засады, всякие звери. Были случаи, бегемоты кидались на помощь даже антилопам, отбивая их из крокодиловых зубов. Не чувство содружества, очевидно, побуждало их к этому, а вражда к крокодилу.

Однако и у крокодила есть друзья! Например, крокодилов сторож, куличок из семейства тиркушек — один из самых популярных персонажей в античной литературе о животных. Эти кулички, а также шпорцевые чибисы и кулики-перевозчики бегают у самых крокодиловых зубов, выхватывая из роговой брони гигантских рептилий и даже из пасти всяких паразитов, пиявок например. Крокодил никакой другой птицы не упустит — съест, а куликов друзей не обижает.

Кулики-перевозчики гнездятся и у нас, на любой речушке их увидите. Тут, разумеется, никаких крокодилов природа им не приготовила, но на зимовках в Африке, как заметят крокодила, выползающего из воды, сейчас же спешат к нему.

И. Акимускин

Во саду ли...

Цветок осени

Первый месяц осени уже позади. Дни становятся короче. По утрам нет-нет да и подернет землю небольшой заморозок. Вот уже и листья георгинов прихватил первый морозец. Ведь у этих травянистых растений стебель и листья ежегодно отмирают и лишь клубни многолетние. Пора выкапывать их из земли.

Но сначала отрежьте стебель, оставив небольшие пеньки — на 10—15 сантиметров над землей, а

потом уже беритесь за лопату. Выкапывать георгины надо очень осторожно, чтобы не повредить клубни, поэтому лучше это делать вилами.

На расстоянии 25—30 сантиметров от стебля обкопайте растение. Затем, придерживая стебель одной рукой, подведите под клубень вилы и выньте его. Если погода солнечная, можно на несколько часов оставить клубни на воздухе: земля подсохнет, и ее легче будет отряхнуть. Но если у вас ценные сорта — не рискуйте. Очистите клубни руками. Тонкие корешки отрежьте ножницами или ножом. Но и теперь их еще рано класть на хранение. Прежде клубни необ-

ходимо обсушить. Уйдет у вас на это недели две. Разложите клубни в сарае или просто в комнате, если у вас, конечно, есть свободный уголок. Чтобы клубни не погибли от мороза, накройте их соломой или мешками или протопите помещение.

Хранят клубни при температуре плюс 3—5 градусов и зимой обязательно несколько раз осматривают. Загнившие клубни отделяют от здоровых, отрезают больные места, зачищают и срезы засыпают толченым древесным углем или молотой серой.

... в огороде

Витамины рядом

В горы пришла осень. Обновился на вершинах снег, пожелтели березы, оранжевыми пятнами запылали урючники, покраснели яблоки, пожухли травы, хотя еще кое-где мелькают поздние цветы. Созрели плоды на растениях, и осенние горы напоминают выставку щедрых даров природы.

Кто не знает шиповник — небольшой колючий кустарник? Растет он по речным поймам, на зеленых лугах, по опушкам

леса, вырубкам и оврагам. Одним словом, неприхотлив. И в горах его растет много. В плодах шиповника больше всего витамина С, есть и другие — В, В₂, Р. На фабриках из собранных плодов готовят витамины и различные лекарства. Их можно употреблять и в сыром виде, особенно ранней весной при недостатке витаминов. Используют плоды для витаминизации различных напитков, сладких блюд — пюре, мармелада, повидла, киселей, кваса.

Во многих уголках страны встречаются дикie заросли боярышника. В последние годы его даже

высаживают как декоративное растение на газонах и в парках. В горах боярышник растет небольшими деревьями.

В любое время года и особенно осенью обильно плодоносит и барбарис. Плоды его содержат различные органические кислоты: винную, яблочную, лимонную. Кустарник удивительно красив осенью в желтом наряде листьев, на фоне которых хорошо видны кисти ягод. Их можно есть сырыми. Очень вкусен барбарисовый кисель.

Природа приготовила плоды еще многих полезных растений.

Дорогие друзья! Скоро заканчивается сезон сбора грибов и целебных растений, но сентябрь еще щедр дарами природы.

Грибы в лесу самые разнообразные — белые и подберезовики, маслята и рыжики, подосиновики и грузди, лисички и валуи, не говоря уже о многих других грибах, идущих на засолку (опята, зеленушки, свинушки, волнушки, горькушки, рядовики, козляки и др.). Грибоварные пункты Потребительской кооперации принимают их на переработку — держите с ними тесную связь.

Растения-целители тоже ждут своих сборщиков. Среди наиболее ценных из них созревшие плоды бузины черной, можжевельника обыкновенного, шиповника иглистого, боярышника кроваво-красного. Начинается массовый сбор целебных корней и корневищ валерианы лекарственной, девясила высокого, дягиля аптечного; корней одуванчика аптечного, алтея лекарственного; корневищ мыльнянки лекарственной, аира болотного, большоголовника (леuzeи сафлоровидной).

Приемные пункты потребсоюза вашего района подскажут, какие именно растения необходимо собирать в вашей местности в первую очередь.

Не забывайте о том, что в сентябре еще собирают споры лycopодия (плауна булавовидного), рожки спорыньи, кукурузные рыльца, бутоны (цветы) полыни, траву анабазиса безлистного.

Не упустите время сбора даров природы! Держите постоянную связь с заготовительными организациями Потребительской кооперации.

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

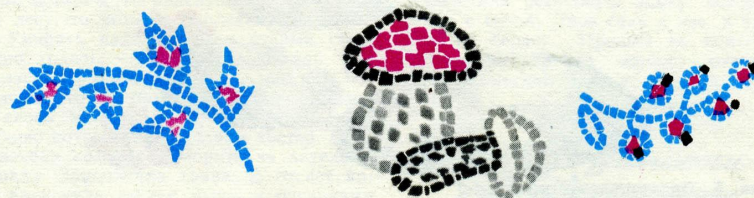

Рис. В. Прокофьева

КУСОЧКИ ЗАРИ

Холодная жижа чавкала под ногами. Несметные полчища комаров выводили из равновесия самого терпеливого из нас. Лицо и руки распухли от укусов. Одежда промокла от пота, а ногам было холодно. Несколько часов кряду бродили мы по гопкой мари в поисках цветочного озера. Здесь когда-то, по рассказам старожил, росли чудесные цветы — лотосы. Найти это озеро и привезти из тайги в краевой центр на выставку цветов несколько лотосов — цель нашей небольшой экспедиции. Цветы необходимо было доставить вместе с почвой, корнями и водой, в которой они росли. В Улике-Павловке нашли проводника — старенького нанайца Удиккана. Сам Удиккан был на этом озере всего один раз и то лет сорок назад, поэтому за благополучный исход нашей затеи не ручался. И вот мы бродим в поисках этого озера.

Проголодались. На ходу срываем спелую голубику и торопливо глотаем. Одна рука занята — беспрерывно отгоняем ветками гнус. Местами топь превращается в непроходимую трясиину, и мы пробираемся с осторожностью рыси, скрадывающей зайца или рябчика. Ни птичьих голосов, ни дуновения ветра. Только гул комаров.

Солнце клонилось к закату. Комаров прибавилось. Откуда-то стали подавать голос бекасы. Жара заметно спала. На сушине застучал подлетевший дятел. Увидел людей, затих и уставился на нас с удивлением. В одном месте, пересекая островок леса, натолкнулись на спящего козла. Он так рывкнул от неожиданности, что и мы перепугались. Козел немного отскочил в сторону и остановился, осматривая странных людей с рюкзаками. Запищала синичья стая. По стволу старой лиственницы зашуршал поползень.

— Однако, здесь заночуем, — невозможно сказал Удиккан и стал готовиться к ночлегу.

— Устали, проголодались. Пора и отдохнуть, найдем озеро завтра, — поддержали мы его.

Почти всю ночь не спали. Вспоминали разные истории, то прислушивались к ночному лесу, то комары одолевали.

— Умирать надо. Совсем старый стал. Трудно ходить, — горевал Удиккан. Мы пытались подбодрить деда, но, как нам показалось, это не помогло. Старик остался при своем мнении.

Лениво потрескивал искрами костер. Нудно звенели комары. Говорить не хотелось. Слушали. Зашуршала трава. В ответ костра выскочила лесная мышь и бусинками глаз уставилась на нас. Треснул сучок,

второй. Стихло. Послышались отдаленные шаги. Шел крупный зверь. Вдали прокричала иглоногая сова: «Иди сюда, иди сюда, иди сюда». Удиккан прислушался и таинственно сказал:

— Легенда у нас про сову эту есть. Недобрая она. Попадет человек в беду. Заблудится. Ищет долго дорогу домой. И днем и ночью. Кричит. Аукает. Вдруг ему начинает кто-то отвечать человеческим голосом: «Иди сюда, иди сюда». Поверит человек этому голосу и идет на него, а голос все дальше и дальше отдаляется. Так совсем заблудится, несчастный. Выбьется из сил и погибает. Оказывается, что его заманила в дебри вот эта самая сова иглоногая... Плохая это птица, — закончил рассказ старый нанаяц.

«Иди сюда, иди сюда», — снова раздался голос, и неприятные мурашки побежали по спине. Действительно, голос птицы очень напоминал зов человека.

Взлетел вверх сноп искр. Четыре часа. Скоро рассвет. Цвикнула в кустах пеночка. Каркнул ворон, и лес постепенно ожил. Жалобно застонала желна — наш самый крупный черный дятел. Заголосили на все лады другие птицы. Начинаясь новый день — день забот и тревог для всех лесных обитателей.

Когда выглянуло солнце, мы тронулись в путь. На опушке леса влезли на дерево. Осмотрелись. Впереди на мари сверкала полоска воды. Может быть, это то самое озеро? Пошли напрямик.

Берега оказались топкими. Того и гляди провалишься в черную пучину. Измерили шестом глубину. У озера оказалось два дна. Такое явление нередко бывает в маревых озерах. Озеро напоминало подкову. В нашем конце оно было совершенно голое. Берега сильно истоптаны лесными, которые кормились вахтой трехлистной — лакомым блюдом сохатых. С противоположного конца озера взлетели два белых аиста. Они низко летели над марью, а нам показалось, что это не птицы, а скачущие белые косули. Над головой парили коршуны.

«Если тут лотосов не будет, то возвращаемся домой, больше искать не будем, — разочарованно думали мы. — Возможно, что в этом году лотосы совсем и не цвели?»

Спустили резиновую лодку, которую таскали с собой. Двое сели в нее, а двое пошли по берегу. Прошли на лодке около двухсот метров без особого интереса и вдруг заметили заросли водных растений.

Записки натуралиста

Какое-то чувство подсказывало, что это лотосы. Подошли ближе. Ура! Нам повезло. Перед нами настоящие лотосы! Огромные листья до сорока сантиметров в поперечнике плавали по поверхности озера. Листьев очень много, а цветков не видно ни одного. Когда поняли это, возбуждение спало.

Неужели столько трудов и все зря? Плаваем среди листьев. Внимательно всматриваемся в дальний конец зарослей. — Что это? Да вон, у самого берега розовеет... — возбужденно говорит мой товарищ. Присмотрелся. Точно. Словно кусочек зари светится там. Все ближе и ближе. Теперь нам ясно. Бутоны лотоса светятся розоватым светом на фоне темного берега. Я впервые вижу цветок, который почитается до сих пор в Египте и Индии. Типичный житель южных широт. Как же он попал в наш край? Кто его занес и посадил?..

Чуть дальше заметили сразу несколько цветков вместе. Подплыли. Среди них были хорошо раскрытые и молодые бутоны. Рядом стояли корзинки отцветших лотосов. Отцвела уже большая часть цветков. Внимательно всматриваюсь в цветы. Нежно-розовые лепестки в два ряда обрамляют пестик-корзинку ярко-желтого, почти лимонного цвета. Изнутри цветы светятся, как горизонт на рассвете погожего дня. Капельки росы мелкими бриллиантами сверкают в лучах солнца. Стебли у лотосов колючие, упругие. Корни крепкие. Раствут они на голубоватом скользком иле на глубине до двух и более метров. Издавна цветы лотоса напоминали раскаленные угли или кусочки зари на восходе солнца, откуда начинается новый день.

Г. Росляков

НАШ ЛОЦМАН

Возле острова Варандей, что находится на юго-востоке Баренцева моря, мы вместе с самоходной баржей и груженым понтоном основательно сели на мель. Мы — это половина экипажа теплохода «Спартак» Северного морского пароходства.

Напрасно наша самоходная баржа делала отчаянные попытки выбраться с мелководья. В какую бы сторону она ни повернула, везде под ее днищем шуршал песок. Итак, мы в западне. Наш капитан со вздохом произнес:

— Вот и засели... Хорошо бы на сутки, а то, пожалуй, все трое просидим...

Сидим мы на мели и ждем у моря погоды. Погоды нам ждать долго не придется, как назло, ветер повернул на северо-восток — будет шторм. Настроение у всех падает.

И вдруг неподалеку от самоходной баржи вынырнул морской заяц (в Арктике тюлени делятся на два вида: нерпу и морского зайца; нерпа мелкая, зато заяц достигает двух метров, и вес его измеряется в пудах). Он посмотрел на нас своими большими черными глазами, поводит усами и, громко фыркнув, неожиданно исчез под водой. Потом снова вынырнул. Вот он проделал извилистый путь к берегу и опять вернулся к самоходке. Громко фыркнул, зашлепал перед собой лапами, некоторое время поплыл на спине, как бы приглашая и нас следовать за ним.

— Смотрите, заяц указывает нам путь! — обрадовался капитан.

Рядом с капитаном стоял боцман с ружьем. Слыл он самым заядлым охотником на судне и при виде зайца машинально вскинул ружье — цель совсем рядом, но тут же опустил его. Боцман понял: морской заяц — наш лоцман, убить лоцмана — преступление тягчайшее.

— Следовать по фарватеру, указанному зайцем, — распорядился капитан.

Самоходка дала полный вперед, и хотя она не трогалась с места, но винты уже делали свое дело. Натуженно работая, они вымывали песок из-под днища. Наконец-то самоходка медленно поползла вперед. Теперь мы на большой воде. Берем пеленги, чтобы на обратном пути вновь не застрять, и направляемся к берегу.

Вскоре нос самоходки мягко коснулся берега. Нас давно с нетерпением ждали на становище, где были и оленеводы, и приемщики грузов, и рабочие с упряжками собак, и просто любопытные.

— Мы вам кричали с берега, чтобы вы за морским зайцем следовали, — весело произнес пожилой приемщик груза.

— Заяц у нас за лоцмана работает, —

добавил рослый оленевод с трубкой в зубах, при этом лицо его озарила улыбка. — Заяц работает хорошо и зарплата не требует, вроде бы трудится зверь для человека на общественных началах.

Началась разгрузка. Мешки и ящики складывали здесь же, на песке, лишь бы груз был за чертой наивысшего прилива. Разгрузились засветло. Засветло и возвращались на «Спартак». Теперь мы шли по фарватеру, указанному нам зайцем, и с благодарностью вспоминали нашего ластового лоцмана. Еще раз большое тебе спасибо, морской заяц!

В. Галушкин

МАТЕРИ

Солнце опустилось далеко-далеко, туда, где кончаются сады, и постепенно начало смеркаться. На улице, правда, было еще светло, но в дачном домике, окруженном яблонями и вишнями, стало темно. Устав за день не столько от работы на даче, сколько от жары и духоты, я лег на

кровать, закрыл глаза и тут же услышал многоголосый птичий шум. Голоса были настолько встревоженные, что я сам забеспокоился, подумал: что-то случилось. И наверное, очень серьезное, потому что такого крика я не слышал за все лето. Посмотрев в окно, увидел картину совершенно непонятную: воробьи (я насчитал их семь) беспрестанно перелетали с ветки на ветку, суетились, нервничали, о чем-то переговаривались между собой, вспархивали к крыше дома и вскоре вновь возвращались, еще более говорливые и возбужденные. Когда же темная пелена опустилась и на улицу, воробьи одновременно словно по команде разлетелись по своим жилищам.

Утром повторилось все сначала. Едва уходящую ночь сменил рассвет, как воробьи опять собрались вместе и загалдели. Меня это заинтересовало. Неспроста, думаю, это, неспроста. Одеваясь, вышел из дому и сел на завалинку. Подсчитал воробьев — семь. Личный состав, значит, прежний. Далее заметил, что вся группа состоит из воробьев. Воробьи-мужчины участия не принимали.

Мы с детства привыкли думать, что в

лексиконе воробьев всего два слова: чик-чирик. Беднее воробья, мол, и птицы нет. Так, насмешка, а не птица. В то утро мои заблуждения были развеяны, как говорится, навсегда и с позором. Я услышал множество самых различных звуков, даже знаменитые «чик-чирик» произносились поразному: то быстро, то замедленно, то ударение делалось на «чик», то на «чирик». Были голоса спокойные, рассудительные, были раздражительные, взрывные. Но чаще всего мне слышались голоса ласковые, заботливые, к чему-то призывающие.

А случилось вот что.

Воробьиное гнездо помещалось в самом углу дома, под крышей. Я знал, что сейчас там находится воробьиный выводок. Но, оказывается, подростки птенцы вчера выбрались из гнезда, а один воробьенок никак не хотел расставаться с родным домом.

Надо сказать, горластый он был ужасно. Ревел, как и все малые дети, самозабвенно и почти непрерывно. Высунет голову из гнезда, посмотрит на взрослых бессмысленными глазами и орет так, словно его целый день не кормили. А расстроенная мать в это время, повиснув в воздухе, на одном месте, перед самым гнездом, быстро-быстро машет крыльями, показывая сыну, что нужно делать.

Подобранный матерью, воробьенок вылезает на самый край гнезда, глядит вниз, на землю, и испуганно вопит.

Другая басовитая воробьяха, взмахнув крыльями, летит к малышу. Сев рядом, она угрожающе стучит носом о доску, под которой скрыто гнездо, ворчливо бормочет.

Воробьенок моментально прячется в гнездо и умолкает. А сердитая воробьяха продолжает ворчать.

Пока она ругается, малыш, притаившись, не подает никаких признаков жизни.

Сердитую воробьяху сменяет другая, более ласковая, ту — третья, так они все по очереди подлетают к гнезду, уговаривают малыша, зовут к себе, убеждают, что бояться не нужно, что жизнь любит смелых, решительных, дерзких. Воробьенок соглашается, пытается стать храбрым, отчаянным, но как только взглянет вниз, и сразу сердце закатывается. Далеко, ой как далеко от земли! Разобьешься, а кому же хочется умирать?

Я не знаю, так ли думали и говорили воробьи, как это я себе представлял, глядя на них, но поступки их описываю такими, какими видел.

Особенно меня поразила мать. Ее голос был нежный, трогательный. Она после каждого полета к сыну возвращалась на одну и ту же ветку и, немного отдохнув, снова подлетала к гнезду, быстро хлопала крыльями,

подсказывала, что нужно сделать, чтобы войти в этот большой, светлый мир. Удивительна была и та помощь, которую ей оказывали соседки. Почти три дня они трудились, помогали подруге в беде. И ни одна из них не дезертировала. Днем они на некоторое время улетали на обед, затем собирались и продолжали выманивать воробьенка. Мать при этом не улетала, она кормила сына и ела сама.

Лишь на третий день им удалось выманить малыша. Было это ранним утром. Солнце, теплое, свежее, прекрасное, осветило землю, заблестели листья на деревьях, как-то вдруг все ожило, затрепетало.

При первых же криках слетевшихся воробьих малыш выглянул из гнезда, посмотрел направо, налево, вверх, вниз, потом что-то пронзительно крикнул.

Воробьи замолчали, с настороженным любопытством уставились на малыша. Воробьенок, польщенный таким вниманием солидных тетей, подался вперед, оттолкнулся от гнезда, захлопал крыльями, как его учила мама, и опустился на ближайшую яблоню. Со всех сторон зашумели воробьи, запрыгали, начали перелетать с ветки на ветку. Ясно, что они были довольны и хвалили малыша.

Счастливая мама подлетела к нему, села рядом и начала что-то ему внушать. Он послушал и перелетел на другое дерево, уже более смело и уверенно. Воробьи, убедившись, что они здесь больше не нужны, поднялись и улетели.

С сыном осталась одна мать.

М. Лаврентьев

ЩУЧЬЯ ХВАТКА

Люди давно заметили, что некоторые звери, птицы и рыбы из-за своей неосторожности или, быть может, из-за жадности попадают в такой переплет, что неминуемо гибнут. Гоняясь за мышонком в лесу, лисенок залез в резиновый сапог, брошенный, видимо, грибником под старой елью. Залез в голенище и не мог из него выбраться, пока не выручили проходившие мимо лыжники. Голодная рысь забралась на крышу двора колхозника, хотела полакомиться курятиной. Заметив внизу черную шерсть, бросилась с крыши и угодила в колодец, который был накрыт шкурой. Однажды в море поймали акулу, опоясанную автомобильным баллоном. Можно было предположить: когда выброшенный резиновый баллон плавал, в него с большого разгона втиснулась хищница, а сбросить его с себя не смогла. Мертвая хватка оканчивается и для прожорливой щуки тоже гибелью. Вот

что случилось на одном из башкирских озер.

Рано утром Иван Андриенко выехал на середину озера порыбачить. Было тихо. Кое-где над поверхностью воды часто раздавались всплески. Крупная рыба играла, а может быть, и щуки за молодью гонялись.

Вынув весла из уключин и положив их на дно лодки, Иван стал измерять глубину — ему надо было знать, на сколько метров опустить крючки с насадкой. В руках у него была самая длинная удочка, вырезанная из орешника. Мерил, мерил, а дна не доставал. Тогда решил подплыть ближе к камышам. Здесь тоже было глубоко.

Продолжая опускать удочку толстым концом в разных местах, Андриенко вдруг почувствовал сильный рывок. «Уж не зацепил ли за камень или за корневища водорослей?» — подумал он. Потянул удочку на себя, но она почему-то пошла в сторону. Потянул еще сильнее и ощутил что-то живое на конце удочки. «Уж не выдра ли, а может быть, водяная крыса?» — мелькнула в голове догадка.

Уцепившись крепче за удочку, рыбак начал выбирать ее из воды. На конце удочки явно чувствовалась какая-то крупная живность. Но что?

Выбирает последний метр, и вдруг в прозрачной воде мелькнул хвост. Еще рыбок, и из воды показалась голова здоровенной щуки. Глядит на нее Андриенко и глазам своим не верит. Почему она вцепилась в деревяшку? Почему не срывается, ведь ей стоит только разжать челюсти?

Андриенко сделал сильный рывок на себя, и на дно лодки шлепнулась, как бревно, трехкилограммовая щука.

— Ух ты! — удивленно воскликнул рыбак.

Подплыли на своих лодках соседи: они видели, как Андриенко вываживал крупную рыбу из воды.

— Уж не дьявол ли в облике щуки тебе попался? — смеялся один, а старик с козлиной бородкой произнес завистливо:

— Ты, Иван, как сказочный Емелюшка, по щучьему веленью рыбу палкой ловишь.

Разговорились рыбаки по этому случаю, и каждый по-своему старался объяснить поведение злополучной щуки. Старик осторожно раскрыл щучьи челюсти, сказал убежденно:

— Во-на! Смотрите, какие острые зубы, словно иголки. С голодухи вонзились в дерево так крепко, что сил не хватило разинуть рот. Одним словом, щучья хватка.

Что ж, объяснение вполне правдоподобное. На рыбалке всякие чудеса случаются.

В. Горбачев

ЗНАТЬ
бережь
множить

В сплошных зарослях тростника, которые иногда тянутся по несколько километров, есть крохотные пространства чистой воды. Если взобраться на стог сена, то можно увидеть, что поблескивают они среди сплошной зелени, как в солнечный день крохотные стеклышки, разбросанные по земле. Их так и называют: стеклышки или зеркальца.

Попасть к ним не так-то просто, поэтому и заманчиво.

Пробираюсь по дебрям тростника. Опор почти никакой, так что приходится та-

щить за собой лодку. Из рук ее не выпускаю, потому что можно провалиться. Пробираюсь с настойчивостью первооткрывателя, хотя заранее знаю, что открывать-то и нечего. Но желание увидеть что-то новое манит вперед. Уже несколько раз провалился и по пояс мокрый. Спасает лодка: успеваю хвататься за борт. Пролил семь потов, таща себя и лодку по этой зыби.

И вдруг открываю для себя совершенно уединенный крохотный пятачок среди океана джунглей — небольшую свободную от тростников площадку.

Вода здесь такая прозрачная, что видны отчетливо все водные растения до листика и даже узоры на них. Здесь всегда тихо. Ветру еще ни разу не удавалось коснуться воды. Стена камыша — надежная защита.

Все замерло. Тишина. Сбрасываю с себя вымокшую одежду. Пусть сохнет. А сам поудобнее устраиваюсь на носу лодки позгорать. Абсолютно уверен, что один здесь, что вокруг ни единой живой души.

И вдруг слышу слабые удары по дну лодки: на корме, в середине и, наконец, у носа. Явно кто-то обследует подводную часть судна. Заглядываю в воду — и замираю. Из воды на меня уставились черные бусинки глаз какого-то зверька. Потом догадываюсь, что это ондатра. Тем более что хатка ее стоит почти рядом с лодкой, в тени тростника.

Затем оглядываюсь по сторонам и обнаруживаю, что за мной настороженно следят небольшие птички. Осторожно достаю фотоаппарат. Натягиваю вокруг лодки специально приготовленную из зеленого камыша циновку, и скрадок готов.

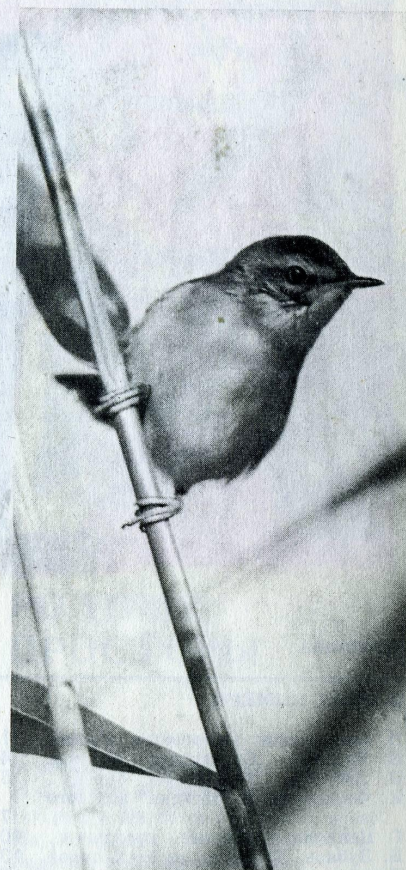
Птицы быстро привыкают к новшеству, начинают заниматься своими птичьими делами. А я снимаю.

Одна камышовка-барсучок так увлеклась обследованием скрадка, что даже села на мою голову и, перегнувшись через край накомарника, с любопытством заглядывала мне в глаза.

Как-то полуденную тишину нарушил скрипящий крик дроздовидной камышовки. Ее поддержала другая, третья. Крики, полные возмущения, приближались ко мне. Вообще дроздовидные камышовки в тростниках, как сороки в лесу, первыми извещают обитателей о появлении незваных гостей. Ко мне они уже привыкли, и виновником шума был явно не я. Потом стал слышен приближающийся шорох. Я замер.

И вдруг в окошечке видеоискателя появилась мордочка хоря. Он увидел меня и застыл, удивленный неожиданной встречей. Я нажал на спуск. Хорь исчез. Но любопытство взяло свое. Еще раз показала мордочка, уже в другом месте. Быстро навожу объектив. Мое движение замечено. Хорь огрызнулся и исчез.

Крик коростеля и словно пастушечье посвистывание погонюша слышал, наверное, каждый. Но мало кому удавалось увидеть их. Летуны они неважные, так что все время проводят на земле. Попробуй разглядеть их в траве! Зато здесь, в зарослях, я их видел почти каждый день. Правда, сфотографировать их почти невозможно. Уже очень осторожны: даже небольшое открытое пространство стараются быстро пробежать, предпочитая держаться в тени тростников. А щелчок затвора фотоаппарата пугал их так, что они не появ-

лялись в течение нескольких дней. Но на них стоит даже просто посмотреть. Движутся бесшумно, крадучись. Во всех их движениях, характере видится что-то таинственное, будто прячут они тайну великую.

Однажды мне посчастливилось увидеть погонюша с выводком. За мамашей с унаследованной от нее осторожностью и таинственностью вышагивали птенчики — черненькие комочки величиной не больше грецкого ореха, на тоненьких ножках-спичках. Ни звука, ни писка в этом шествии. Как привидение, появились и исчезли.

А. Пашук
Фото автора

ПИНГВИНЫ.

Лена Сукова

Ворошиловградская область

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Н. Овсянников. Сокровища России	1	Б. Троицкий. Непридуманные истории	22
В. Кулагин. Счастливая борозда	4	Н. Носкова, Ф. Штильмарк. Краснотазовая казарма	33
В. Лебедев. Рожденный бурей	5	Клуб Почемучек	36
Е. Федоровский. Загадки золотого озера	7	И. Акимускин. Крокодилов ел?	42
Г. Цепулин. «Лесные дрозды»	10	Во саду ли... в огороде	45
Б. Зубков. Травинка со всех сторон	13	Записки натуралиста	49
Лесная газета	16	Знать, беречь, множить	54

Главный редактор А. А. Виноградов

Редколлегия: Корчагина В. А., Клунов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чашарин Б. А. (ответственный секретарь), Шукин С. В., Ярлыкапов А. Б.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Н. Ф. Михайловская

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 3/VII 1974 г. Подписано к печати 7/VIII 1974 г. А02847. Формат 70×100/16. Печ. л. 3,5 (уч. изд. л. 4,9). Тираж 2 550 000 экз. Заказ 1410. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушеская, 21.

СЕНТЯБРЬ

В сентябре открылись школы,
Много крашенных дверей,
И приходят новоселы
В новый дом свой поскорей.
Уж арбузы покраснели,
К нам с плантаций прилетели.
А дожди все льют и льют,
Птицы редко уж поют.

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

У всех есть родина своя,
И в жизни не забуду я
Ни рошу, ни поля пшеницы,
Ни речку, что в лесу струится.
Ведь столько прелести дает
Нам соловей, что здесь поет.
А вот поляна. Ой краса!
Сверкает на траве роса.
А дальше поле, и на нем,
Как будто солнца ясным днем,
Растут подсолнухи. А вот
По полю трактор к нам плывет.
А небо! Что за небеса!
России чудная краса.
Где мне еще найти такую
Страну прекрасную, родную!

Наташа Яковлева,
г. Куйбышев

Индекс 71121
20 коп.